

Дмитрий Всатен

Книга 1. Людомар
из Чернолесья

"Опасная тайна сокрыта здесь"

Дмитрий Всатен

Книга 1. Людомар из Чернолесья

«Автор»

2016

Всатен Д.

Книга 1. Людомар из Чернолесья / Д. Всатен — «Автор», 2016

Владия - срединная земля, раскинувшая свои пределы между Оридонией на западе, Красноземьем на востоке и Велиководьем на юге - бескрайняя и многоликая. Множество народов населяет ее, множество чудес кроется в ее чреве. Одним из величайших является неспособность самой могучей стихии - огня - овладеть этой землей. Ни одно пламя, ни даже искра не вспыхивали на просторах Владии много эпох. То была воля Многоликого - великого бога, создавшего первых обитателей Владии и даровавшего им невиданную силу. Превратившись в магов, Ярчайшие, так они сами величали себя, возгордились своими силами и захотели встать вровень с великим богом. Произошла битва за власть над сущим, и Владия - арена битвы - пылала, подобно костру. В том пламени сторели все, и не было ни победителей, ни побежденных. Многоликий понял свою ошибку, оплакал погибших от его упущений, и даровал Владии новую жизнь без огня и великих магов. Тех из Ярчайших, кто пережил битву, он заточил в глубокие подземелья гор, поставив над ними стражей, прозванных доувернами. Так надеялся он более никогда не повторить прежней ошибки. Но Ярчайшие не смирились с поражением. Эпохи сменяли одна другую и усыпляли очи Многоликого. Великий бог не заметил тьмы, которая выползла из подземелий Доувернских гор и тонкими ручейками растеклась по известному миру. Первыми, кто столкнулся с нечистью оказались людомары - жители самой отдаленной и опасной части Владии - Черных лесов. Затворники, отшельники, нелюдимые охотники, одиночками проживали людомары в чащобе и не помышляя о том, какая участь приготовлена им богами. Сын Прыгуна ничем не отличался от других лесных охотников. Его размеренная и привычная опасностям жизнь нарушается чередой неприятных и многозначительных встреч, странных явлений и знаков. Меньше всего людомар хочет найти объяснение им, но круговорот событий резко меняет его жизнь и утягивает в бездну, из которой нет возврата к прошлому.

© Всатен Д., 2016

© Автор, 2016

Дикая охота. Омкан-хуут

Мир запахов, трудновообразимый для непосвященного, невидимый и необычный для несведущего, и оттого такой заманчивый; иное пространство и измерение. Мир, где предметы определяются не по образам, контурам или теням, но по тонам, полутонам и оттенкам. Запахи передают время, они передают событие, его накал, его силу, каждый штрих. Запахи доносят историю жизни: печальную или счастливую. Они указывают след, воспроизводят борьбу: каждый удар, каждую рану.

Мир запахов – среда более насыщенная, нежели пространство света и звуков.

Еле различимая тень двигалась сквозь этот мир: мелькая среди тонких как нити просветов полутьмы, сливаясь с тенями, отбрасываемыми деверьями; она скользила во тьме, не чуждая этому удивительному миру.

Сын Прыгуна остановился и глубоко втянул в себя аромат чащобы. Его не пугал непроницаемый ряд плотно стоявших древесных стволов; он не замечал густого переплетения ветвей, лиан и разного рода вьюнов, подавляющее большинство из которых представляло смертельную опасность для существа из плоти и крови. Людомар не боялся Великолесья, ибо оно было его домом; он не боялся ядовитых растений, ибо то было время Дикой охоты. Дикая охота, в которой лес и его властитель – Зверобог – всегда помогали высокому охотнику.

Сын Прыгуна происходил из людомаров – малочисленного народца, многие века жившего в самом сердце Великолесья. Олюди, что населили земли Владии шесть эпох назад, прозвали чащобу Чернолесьем и опасались проникать под его сумрачные своды. Помимо людомаров, лишь только дремсы населяли эти непроходимые леса. Дремсы не были столь же хорошо приспособлены для жизни в Чернолесье, как людомары, но почитали Зверобога за своего покровителя, а потому смело вступали в полутьму сердца Великолесья.

Людомары жили отшельниками. Их небольшие домики – донады – располагались на меках – величественных деревьях чащобы. Дремсы проживали в хорошо укрепленных деревеньках в Редколесье на южной окраине Великих лесов. Они не чурались дружбы с другими олюдями; часто посещали города и селения, расположенные неподалеку, и доносили людомарам вести из Синих равнин, окаймлявших леса с юга. Ростом людомары на две головы превосходили дремсов, а потому получили прозвище «высокие охотники»; дремсы довольствовались эпитетом «низких».

Дикая охота объявлялась людомарами и дремсами тогда, когда омкан – самый опасный хищник, когда-либо обитавший в Великолесье, становился слишком смел и напал на лесных охотников. Омкан был не любим в Великих лесах. Зверобог отказал ему в жизни здесь, ибо этот монстр не чтит законы леса и попирает правила, установленные Зверобогом. Только омкан не почитал древние традиции, многие эпохи сохранявшие равновесие между лесом и его обитателями; лишь омкан убивал без надобности, только из злобы и ненависти ко всему живому. И только это чудовище не различало границ между частями Великолесья, из неведомых чащоб, что раскинулись у Доувенских гор, проникая и в Чернолесье, и в Редколесье, и в Глухолесье, чтобы творить свое кровавое дело.

Едва деревянные трубы дремсов извещали окрестности о начале Дикой охоты, холкуны и пасмасы – олюди, что проживали вблизи Великолесья, спешили прочь из полей и садов, закрываясь в своих домах, поселениях и городах, ибо в эту пору начиналась битва между сильнейшими лесными хищниками, и поле брани не было определено никакими границами.

«Второе Всеопустошение», так называли пасмасы и холкуны это время. Из глубины эпох легенды и сказания доносили им о первом Всеопустошении – войне магов и богов, длившейся целую эпоху. О дне ее начала не знали даже священные свитки беллеров – величайших магов Брездии, расположившейся на север от Великолесья, среди скал и ущелий Боорбогских гор.

Во время дикой охоты жизнь у кромки леса замирала. Синие равнины обезлюдивали, и все напоминало о стародавних временах, когда Ярчайшие, – маги, возомнившие себя равными богам, – объявили им войну. Владия запылала от битв, подобно громадному костру. Жар был настолько силен, что единая земля расплавилась и распалась на несколько частей: так появилось соленое Велиководье, что окружает нынче Владию со всех сторон, и Темные земли за солеными водами, сведения о которых вливаются в уши олюдей из уст немногочисленных конублов – холкунских купцов, осмелившихся пересечь большую воду в поисках лучшего товара и рынков.

Пять эпох прошло с окончания Всеопустошения, и еще одна эпоха канула в Лету, прежде чем первые олюди – бывшие слугами Ярчайших, смогли выбраться из глубоких пещер, выйти из дремучих лесов и спуститься с высоких гор, чтобы узреть то, что осталось им после битвы магов и богов. Они узрели бесконечность тверди, покрытой лишь пеплом, и горькие слезы богов, победивших Ярчайших, но увидевших, что случилось с их творением. Тогда и опало на Владию заклятие Многоликого – верховного бога олюдей. «Не быть больше огню на этой тверди!» провозгласил Многоликий, и с тех пор, на протяжении шести эпох Владия не знает ни одной искры на своих обширных пространствах.

Первые племена олюдей собрались на большой сход, где назвали друг другу свои имена: холкуны, пасмасы, брезды, саарары и реотвы.

Холкуны поселились в городах, ибо Ярчайшие научили их строить и содержать дома; пасмасы основали деревни – Ярчайшие создали их для сельских работ; брезды соорудили каменные замки, ибо служили Ярчайшим рудокопами, воинами и стражей; саарары и реотвы не служили Ярчайшим – дикари, они кочевали, где придется, а потому удалились в дальние закоулки Владии, заняв свободные земли.

Холкуны назвали свои владения Холкуниями Прилессской и Прибрежной; пасмасы – Пасмассией Прилессской и Прибрежной; брезды именовали свой удел Домом боора или Брездией; реотвы донесли бывшим слугам Ярчайших название своих земель – Холмогорье, а саарары прозвали занятые территории Прибрежьем.

Так установилось первое Великоустройство.

Спустя век во Владии появились чужаки, именовавшие себя грирниками и эврами. Свитки беллеров называют их прародиной Темные земли, что за соленой водой, там, где Владыка, старший сын Многоликого, скрывает свое огненное око, допуская в мир тьму. Они пришли во Владию, неся на руках больных детей, ослабшие и покорные. Олюди сжалились над ними и приняли чужаков в свою семью, ибо земли и богатств ее хватало всем, и никто не знал тогда, какими бедами обернется приход этих племен во Владию.

Эвры и грирники принесли олюдем Малое Всеопустошения. Казалось, их числу не будет конца. Эвры – умелые воины и грирники – пожиратели сырого мяса нападали на города и селения олюдей.

Первое Великоустройство было разрушено.

Вся Владия поднялась против бесчинств чужаков. Под знаменем великодревнего брездского боора Нивра Тяжелобрадного из рода Агтов, войско олюдей разбило эвров и грирников в землях Десницы Владыки, раскинувшихся на западе от Холкуний и Брездии.

Многоликий разгневался на разрушителей и ниспослал им кары: эвров, плодившихся подобно кроликам, он лишил страсти к себе подобным и возможности плодиться; тела же грирников иссушил так, что они стали походить на скелеты, и отовсюду можно было отличить их от других племен. Великий бог закрыл их желудки для свежего мяса, дозволив им питаться лишь разлагающейся мертвечиной.

Брездов бог поставил хранить Владию, наделив род Агтов безмерным умом и знаниями. Лишь из их среды с тех пор происходили беллеры – великие маги. Холкуны также были одарены большим разумом и служили брездам ремесленниками, поставляя в их замки все, что

было необходимо. Саарарам, чей народ принес самые большие жертвы, Многоликий даровал помощника – боевого коня, помогавшего выжить на бескрайних просторах Прибрежья.

Второе Великоустройство было установлено.

Во всей череде бед, обрушившихся на Владию с окончания правления Ярчайших, лишь людомары не касались дел, происходивших за кромкой Редколесья. Они хранили великие леса, и Многоликий благоволил им, охраняя от ненужных тревог. Людомары сторонились любого общения и не преклонялись ни перед брездами, ни перед богами равнин.

Мало кому из олюдей доводилось лицезреть людомаров собственными глазами, а потому о выскоих охотниках ходили дурные слухи и многие боялись их. Матушки начинали рассказывать своим малюткам сказки о тихих охотниках из Чернолесья. В историях этих вымысел соседствовал с правдой, а страх с восхищением. Серая кожа и большие зелено-желтые глаза людомаров олицетворяли для холкунов и пасмасов из Синих равнин само Чернолесье, его молчаливую неизведанную еще никем силу, его опасности и чуда, – они мерцали во тьме лесов подобно очам диких зверей.

Сын Прыгуна легко скользил сквозь непроходимую чащу. Утопая по пояс в кустарнике, взбиравшемся высоко вверх по стволам деревьев, охотник словно бы не замечал жалящих ядом шипов и присосок. Не зрением, но чутьем ощущал он напряжение, которое исходило от растений вокруг. Они будто бы вглядывались в него, всматривались всеми листьями, колючками, шипами, бутонами и даже почками своих плотоядных ветвей. Они тянулись к нему, желая отведать его крови, но тут же отпрыгивали, узнав в охотнике людомара.

Ноги лесовика, жилистые и длинные, были укутаны в сплошной покров выпуклых натянутых как стальные канаты мышц. Каждая из них трепетала в напряжении, ожидая всякий раз тот миг, когда нужно будет стремительно рвануться вперед, подпрыгнуть и начать преследование добычи.

Чернолесье, как и всегда, хранило звенящее молчание, густой поволокой разлившееся между стволами бесчисленных деревьев. Казалось, в лесе нет ни капли жизни. Несмотря на оглушительную тишину, которую хранила в себе чащоба, для охотника не составляло труда наблюдать за бурной жизнью, которая протекала в темноте и безмолвии всюду вокруг него.

Внезапно глаза охотника моргнули, подбородок потянулся вверх и вбок, уши невообразимо вытянулись и поднялись над головой. Они напряженно двигались, постепенно сужая полукруг поисков. Людомар снова потянул ноздрями воздух и замер. Замерло и его тело, но не мысль. Она работала бурно и без остановок. Перед глазами его вставало недавнее прошлое того места, где он стоял сейчас.

Запах донес ему историю о том, как уфан – небольшой мохнатый зверек-осьминожка, вылез из-под куста дукзы, взобрался на корень свидиги-древа и стал усиленно счищать с себя землю и лиственный перегной. Внезапно что-то привлекло его внимание, потому что уфан облокотился одной из своих лапок на ствол дерева-гиганта и надолго замер.

Людомар ясно слышал остатки страха животного, которые еле различимыми струйками скопились в нижней части кроны свидиги. Уфан не любопытствовал, он боялся и боялся настолько, что в первые несколько мгновений оцепенел от ужаса. Неизвестно сколько прошло времени, прежде чем зверушка была убита. Смерд ее внутренностей был различим явственнее всего. Дурманящим обволакивающим облаком он отрывался от коры свидиги и, слегка взвизываясь, струился вверх по стволу.

Среди запаха смерти уфана были следы и двух других запахов; запахов, от которых у людомара невольно вырвался рык. Он ощутил присутствие того, кого искал все эти дни. Уфана убил омкан, – людомар знал это. До сих пор сквозь холодный запах смерти явственно проступал удушливый смерд языка чудовища.

Людомар неслышно подошел к месту убийства и присел подле дерева, на корне которого стремительно окончилась жизнь зверька. Охотник протянул руку к стволу свидиги и тут же ее отдернул. На конце его пальца остался след от иглы. Она была вогнана глубоко в кору дерева.

Тело людомара вмиг напряглось, дыхание сбилось. Притаившись на некоторое время, он осторожно поднялся и, втягивая воздух носом, прошел вперед. Там охотник нагнулся и поднял с земли часть полусгнившей олюдской ступни. Он обнюхал ее и снова зарычал. Лишь очень тонкий слух различил бы его слова. Людомар произнес: «Омкан-хуут».

Охотник вертел головой во все стороны. Наконец, голова его замерла, ноги распрямились, и тело поплыло в сторону зарослей дукзы, густота которых была свойственна местному подлеску. Нож в руке Сына Прыгуна тускло блестел, подобно клыкку в открытой пасти гигантского хищника.

Все верно, здесь было его лежбище, – здесь еще пахнет этим порожением скверны. Запах донес людомару окрестности, из которых явился омкан-хуут, – место засады хищника источало смрад Сизых болот и тухлых вод Гнилого озера. Чудовище пробыло у дерева недолго – лишь сглотнуло тушку уфана и пошло дальше. Где оно теперь, было неизвестно, – омкан-хууты хорошо заматали следы.

Имя омкан-хуута принесли людомарам дремсы, прослышав о нем от холкунских магов – хол-холов, которые узнали об этой нечисти от беллеров. Омкан-хууты значительно отличались от обычных омканов. Они были много больше, хитрее и, оттого, опаснее. Эти чудовища – тени Великолесья – давно не тревожили места близ жилищ людомаров. Лишь те из охотников, кто доживал свой век, помнили о нескольких монстрах, которых породила Утроба Зверобога много зим назад.

Сын Прыгуна помнил: давным-давно, когда был жив его отец, прозванный Прыгуном, в их донад пришел людомар Светлый. Он был сильно изранен, рассказал о битве с омкан-хуутом и о гибели двух людомаров от клыков нечисти.

Светлый поведал, что омкан-хуут, с которым ему довелось биться, был громаден. «Подобно быку пасмасскому был он», – рассказывал Светлый, – «и иглами покрыты хвост и грива у него. Все те же шесть лап, все та же пасть, как и у омкана, но промеж игл его свисает лоскутами кожа, и двигается она, когда дерется он. Я видел сам, не кожа это, но иные лапы, только маленькие очень. Они меняют цвет, и даже я смогу пройти лишь в шаге от него и не заметить, так умеет он скрываться».

Рассказал Светлый и о страшном оружии, какое явил им омкан-хуут. Чудовище обламывало иглы у себя на загривке и, держа их языком, выбрасывало его вперед, насквозь пронзая тело жертвы.

Возвратив ступню дремса на прежнее место, людомар стал медленно отходить к свидиге. Глаза охотника осматривали подлесок, перебирая в нем каждую ветку, каждый листок. Рык вырвался у людомара, рык слышимый всеми; рык, разнесшийся в тишине на много шагов вокруг, что было для Чернолесья сродни громкому вскрику. Звук не успел затихнуть, когда дернулась крона дерева и лишь слегка примятая листва дукзы у его подножия напоминала о том, что мгновенье назад на этом месте кто-то стоял.

Людомар мчался по вершинам деревьев. Ветер свистел в его ушах, хлестал по щекам, врвался в нос, швыряя в него тысячи запахов. Кроны деревьев, по которым он пробежал, кряхтя, прогибались под весом его тела, но привычные к подобному ступни охотника умело находили опору достаточную для того, чтобы сделать следующий широкий шаг.

Три больших жука – шмуни – безмятежно дремавшие до того на запястьях рук и на голове людомара, изо всех сил работали своими крылышками, перенося хозяина над прорехами в кроне свидиг, высотой иногда доходивших до трех сотен локтей.

Охотник тяжело дышал. Солнце нижним краем уже ушло за горизонт, а он все бежал прочь от того места, где услышал запах смерти уфана.

– Тя! Тя-я! – прохрипел он, наконец, и шмуни тут же перестали перебирать крылышками и заерзали на его руках, устраиваясь удобнее.

Вмиг отяжелев, людомар съехал, обламывая молодые ветви, на достаточно толстый сук мека, крепко ухватился за его ствол, и, прижавшись к нему, долгое время стоял недвижим. Лес безмятежно поводил над его головой своей густой листвой, и птицы перелетали с ветки на ветку, оглашая окрестности звонкими трелями.

Отдышавшись, людомар с опаской посмотрел себе за спину. Сев на ветвь и свесив ноги, Сын Прыгуна снял со спины небольшую котомку, развязал ее и достал комок липкой жижи. Отщипнув три небольших кусочка, он огляделся, сорвал молодую листву, завернул в нее жижу и по очереди покормил троих шмуни. Жуки с удивительным для их лености проворством расправились с пищей. Оставалось подождать некоторое время, когда они наберутся сил. Как только сзади под их крыльями образуются желеобразные пузыри, можно будет снова пускаться в путь.

Людомары были слишком крупны – без малого два метра ростом, чтобы самостоятельно бродить по кронам даже таких могучих древ, как меки. Выше почти всех олюдей, кроме брездов, людомары обладали отличным зрением, слухом и обонянием. Именно людомарам Зверобог даровал тело достаточно стройное, чтобы скользить промеж стволов деревьев, растущих в Чернолесье на расстоянии не более одного локтя друг от друга, и достаточно сильное, чтобы совершать прыжки невообразимые по высоте и длине; только людомарам была ведома лесная магия, которая покоилась на созидании и сосуществовании с природой. За столетия своего пребывания в Чернолесье, людомары поставили себе на службу многих из его обитателей. Все эти служки несли свои вахты верой и правдой, так, как могут нести службу только животные: честно и без упреков.

Погладив шмуни и заглянув им под крылья, людомар не нашел там жижицы. Поняв, что время еще есть, Сын Прыгуна стал осторожно спускаться к подножию мека. Он снял наконец-ник с небольшого копия – хара – и разобрал его так, что получилась длинная плевательная трубка.

Яркий солнечный свет, правивший бал на вершинах крон; зной, опадавший с небес на Чернолесье, уже в пятнадцати локтях ниже уровня крон превратился в серость и прохладу, а двадцать пять локтей спустя, в полумрак и удушливую холодную сырость. До подлеска солнечные лучи и вовсе не проникали, навеки оставив его обитателей во власти полумрака.

У корней мека слышалось копошение. Пять небольших продолговатых телец, перебирая четверкой длинных костлявых ног, беспокойно мельтешили у выступавшего в сторону корня. Это были лювы – падальщики Чернолесья. Смерд, донесшийся от них, дал людомару понять, что пиршество по пожиранию разложившегося трупа почти подошло к концу.

Падаль в Чернолесье была явлением необычным. Под кронами Черного леса наплодилось столь много ртов, что даже и изглоданные кости оставались лежать недолго. Удивительным для людомара было то, что падаль пролежала здесь с раннего утра. Все тот же нюх доносил, что падалью была молодая древоедная змея.

Сын Прыгуна приставил плевательную трубку ко рту и навел ее на одного из лювов.

Вдруг удар потряс лес. Лювы и сам людомар вздрогнули от неожиданности. Слух без труда определил, откуда донесся звук, – это жижица в виде капли выскользнула из-под крыльев одного из шмуни. Мгновение длилось это расследование, но его хватило для того, чтобы лювы исчезли под землей.

Людомар поднялся. Сегодня лес не позволил ему взять свое, – такова воля Зверобога!
Пришло время продолжить путь.

– Омкан-хуут, – глаза людомары расширились, явив миру красивое сочетание разноцветия контура зрачка: один в другом поселились в нем тьма ночи и червонное золото рассвета, бирюза безбрежных небес и сухая серость приближающихся сумерек.

Людомар кивнул сестре.

– Мы должны уйти, – сказал он. – Так учил отец. Так учил Светлый. Омкан-хуут не даст нам жизни, мара.

Сестра прикусила губу, зажмурилась и отвернулась. Она отошла к краю площадки, на которой располагался донад, и поправила на ветке тело неуклюжего жука, задние лапки которого соскользнули с листа и зацепились так, что не давали ему взобраться обратно.

– Никак не остаться? – спросила она с надеждой в голосе.

– Нет. Он придет сюда. Надо уйти. Светлый сказал, сегодня их много; он сказал, они наводнили Великолесье; он сказал, их становится все больше и больше.

– Светлый мог ошибиться. Ведь ты не видел омкан-хуута. – Людомара закрыла ладонями глаза, так, что ее иссиние-черные волосы, отливавшие зеленым, сползли на лицо, и присела на скамью у небольшого узкого стола.

– Он пожрал дремса. Мы уйдем. Хочешь ты этого или нет. Держись за жизнь, не за донад.

– Я никогда не меняла донад, – проговорила сестра растерянно. – Я не знаю... – Она спросила: – А как его поменять? Где найти? Как это делается?

– Не знаю, – пожал плечами людомар. – Я пойду к Светлому. Он подскажет мне. Собери мне в дорогу поесть.

– Да-да, – быстро оправилась она. – Иди к нему. Может быть, это и не омкан-хуут.

– Это он.

– Ты не знаешь. Спроси у Светлого, он скажет тебе... Ты возьмешь кого-нибудь из тааколов? Мне их покормить?

– Нет, я пойду с иисепом. Шмуни останутся здесь. Не корми их, я уже кормил.

– Не забудь взять клибо. Мало ли что будет на пути.

– Я возьму его. – Людомар опустился на пол своего жилища. Усталость с невероятной тяжестью давила на тело: ноги, казалось, прирастали к полу, и их всякий раз нужно было с усилием отрывать от него.

– Если Светлый подтвердит про омкан-хуута, то ты не иди в донад сразу, а зайди в смердящую яму к холкунам. Спросишь там благовоний для Зверобога и для Владыки. Их носи мне. Я буду уповать на милость богов и молитвой помогу нам найти новый донад.

– Нехорошо, что ты обратилась к Владыке... – с усилием выдавил людомар. Ему не нравилось, что сестра уверовала в бога холкунов и пасмасов, но перечить ей он не желал. У охотника был один бог и имя ему Зверобог. Сестра не была охотником, пусть верит в кого ей угодно.

Глаза Сына Прыгуна слипались. Подходило время сна.

Людомары могли не спать четверо суток, но после засыпали на два дня. Вчера закончились четвертые сутки, как охотник не спал. Он и сам не заметил, как задремал. Из полусна его вывели маленькие ручки, вынырнувшие из тумана, застилавшего глаза и протянувшие ему небольшой мешочек.

– Ки, – произнесли рядом с ухом. В нос проник приятный аромат, напоминавший запах парного молока.

– Таакол, не дай ему уснуть. Он должен идти, – послышался голос людомары.

Охотник с трудом разлепил веки и посмотрел в добродушное квадратное лицо таакола.

Тааколы следовали за людомарами, куда бы те ни подались. Эти милovidные существа не были пригодны ни для чего, кроме ведения домашнего хозяйства. Ростом тааколы еле-еле дотягивали людомарам до бедра, не отличались ловкостью, но были расторопны, хотя передвигались так неуклюже, что это более походило на перекатывание. Черты их лица были мягки, и в каждом случае сохраняли неизменную квадратность: лоб, большой мясистый нос, синие глаза, подбородок, тельце и даже пальцы на руках и ногах, – все это было правильной или почти правильной квадратной формы. Кожа у тааколов была бледная – почти прозрачная, и сплошь покрыта мягчайшим рыжевато-бурым мехом, делающим их похожими на медвежат. Меха не было только на лице, кистях рук и за ушами, похожими на правильные квадратики.

Маленькие тааколы всегда пахли молоком, потому что не могли питаться ни чем иным, и людомарам приходится держать в хозяйстве не менее пяти древесных коров – зогитоев, гусениц-веткоедов размером с небольшую собаку, и охранять их от хищных птиц.

У охотника проживало семейство тааколов состоявшее из четверых: трех взрослых и одного ребенка. Малыш и разбудил людомара.

Сестра охотника хозяйствовала у очага, перекладывая в него из кожаной корзины рочиропсы – фиолетовые и сиреневые кристаллы. Каждый из них она погружала в воду, и кристаллы загорались ярким светом. Если вода попадала на них еще раз, они начинали шипеть и исходить паром. Только так можно было готовить пищу во Владии; только так можно было обогреться.

Пророчество гласит, не будет во Владии огня до тех пор, пока боги не остудят свой гнев и не простят Ярчайших – магов, устроивших Первое Всеопустошение. Каждый владянин в детстве слышал от родителей эту легенду, как слышал и историю появления рочиропсов: те из Ярчайших, которые сумели выжить в битве с богами, спустились в неведомые до того гроты под Доувенскими горами, что у Немой реки и отыскивали там рочиропсы – кристаллы, способные согреть.

«Много веков», страшали мамушки, «гроты у Немой реки охраняются чудовищами – доувенами. Нет никому прохода в их владения, и всякий кто войдет туда без спроса, лишается и зрения, и слуха, и становится беспомощным как дитя. Лишь доувенам дозволено быть там».

В то время как доулены купались в тепле, олюди, заселившие земли Владии, страдали от холода. Прознав об этом, некоторые из доуленов предали собратьев, похитили немало рочиропсов и бежали с ними в Чернолесье. За это доулены проклинали отступников, напустив на головы предателей черную бахрому или чернявицу – болезнь, страшнее которой нет на свете. Плоть бежавших каждый день гнила на половину ногтя и облезала со скелета зловонными черными лоскутами.

Доулены, принесшие другим расам Владии тепло и свет в ночи, с тех пор зовутся владянами чернецами. За годы они научились заговаривать проклятье и их тела гниют не так быстро, позволяя чернецам и их потомкам доживать до глубокой старости.

Олюди с благодарностью приняли дар чернецов и смогли отогреть свои тела. Но шло время и кристаллов стало не хватать. Дабы избежать войн между олюдями, чернецы нашли кристаллы подобные рочиропсам. Прилесские кристаллы не идут ни в какое сравнение с кристаллами из гротов по жару, но все же могут согреть.

Людомары владели первыми кристаллами – сиреневыми и фиолетовыми, ибо охотников было очень мало, и жили они так долго, как живут четыре поколения пасмасов – самых примитивных из всех олюдей...

Гулко ударила о деревянный пол небольшая дорожная сума, которую положила рядом с охотником людомара. Она присела рядом с братом и положила голову ему на плечо. Оба молчали.

– Ты должен идти, Сын Прыгуна, – сказала людомара и погладила его по голове. – Я буду тебя ждать.

Ему повезло, что она была рядом с ним. Ему повезло, что у них был такой отец, как Прыгун – сильный смелый охотник, многому научивший своих приемышей.

Людомары были единственными олюдьми, тайну рождения которых не знал никто, кроме старейшин. Немногочисленные женщины-людомары ни разу не понесли от своих мужчин. Сей народ одаривала детьми роща Явления, что в долине Красных Свидиг у Дымящего источника. Уже много лет Светлый приносил оттуда маленьких людомаров и разносил их в донады охотников, на которые ему указывал Зверобог. За это маги брездов и холкунов называли людомаров нерожденными.

Зверобог указал на Прыгуна дважды. Так у Сына Прыгуна появилась сестра. Чернолесье знало ее под именем Дочь Прыгуна, хотя сам Прыгун назвал ее Дщерью Донада за несвойственные людомарам домоседство и нелюбовь к охоте.

Нос Дщери Донада ткнулся в ухо охотника, что означало, иди. Людомар с трудом вывел себя из оцепенения и поднялся.

Путь к донату Светлого предстоял неблизкий. Людомары не любили друг друга и предпочитали жить как можно дальше один от другого. Часто между их жилищами пролегало не меньше пяти дней пешего пути. Охотники не считали такие расстояния слишком большими. Их громадность скрадывала бесконечность Чернолесья.

Природа хорошо подготовила людомаров к жизни в лесу, поэтому они не роптали на сложности. Никто из них не знал, что такое лениться или болеть. Их кости и сухожилия были достаточно крепки, чтобы выдерживать удары и падения, а тело быстро избавлялось от паразитов и ран от клыков лесного зверья. Это были свободолюбивые, себе на уме, обитатели темных лесных чащоб, единственным жизненным маяком которых было не входить ни с кем ни в какие сговоры, не путаться ни у кого под ногами, всячески не допускать, чтобы кто-то путался у них под ногами, и, наконец, жить в согласии с собой, Великолесьем и Зверобогом. Присутствие бога они видели на каждом шагу и привыкли подчиняться его едва уловимым повелениям.

Людомар проглотил хорошо прожаренного уфана, тщательно вытерся, смывая запах Чернолесья, который так пугал обитателей Владии, и поднялся на ноги.

– Повернись, я оботру тебя, – сказала людомара, и принялась скрупулезно исследовать тело брата на предмет насекомых, гнид и другого зверья.

Людомары были чрезвычайно чистоплотны. В отличие от дремсов они старались оставаться незаметными и на уровне запахов. Подобно кошкам людомары вычищали себя и умащали тела различными травяными мазями. Чернолесье не терпело разгильдяйства, и если дремсы защищались от лесных хищников своей многочисленностью, то людомары могли рассчитывать только на себя.

Сестра натирала охотника экстрактами йордона – пахучего дерева, произраставшего на границе Чернолесья и Редколесья. Именно туда намеревался идти людомар для встречи со Светлым.

– Таакол, принеси клибо.

Таакол с криком «тике» неуклюже помчался прочь и через некоторое время вернулся с большим ворохом странного растения.

Мало, кто с первого взгляда понял бы, насколько сильную защиту нашли для себя людомары в симбиозе с вьюном, имя которому было клибо. Вьюны клибо произрастали в самой опасной части Чернолесья, у Ревущего камня. Они были плотоядны, за что повсеместно подвергались изничтожению со стороны олюдей. И только высокие охотники сумели приспособить этих хищников для своей пользы.

При хорошем питании выюны достигали длины многих сотен шагов и толщины с ногу взрослого мужчины. Людомары сумели вывести вид клибо, который не достигал той силы, которая позволяли его диким собратьям передавливать седока вместе с лошадьё в кровавую жижу. Мощные липучки, намертво прикреплявшиеся к жертве, можно было снять, только лишь отрубив лиану.

Таакол осторожно положил кучу выюна перед ногами людомара и снова скрылся с глаз. Через мгновение, впрочем, он вернулся, неся под мышкой кожаный сверток, похожий на бревно.

Охотник, убедившись, что людомара покончила с его обтиранием, взял кожаное бревно и осторожно приторочил его к своему заплечному мешочку. Потом он подошел к вороху выюна и разделил его на две части: одну из них образовывал овальный плетеный щит, сделанный из тонких прутьев твердокаменного дерева сплошь увитых выюном, а вторая часть свисала безвольно к его ногам.

Людомар быстро отыскал корни выюна, очистил их от кусочков мяса и поднес к кожаному бревну. Вытащив нож, охотник разрезал бревно поперек. Из-под кожи вылезло свежее мясо уфана. Людомар погрузил в разрез корни выюна.

Корни клибо впились в дымящуюся плоть, и, внезапно, растение преобразилось. Его лианы в мгновение окрепли и даже зашевелились.

– Таакол, принеси ему еще два куска. Нас ждет долгий путь, – сказал охотник.

Подождав пока выюн упьется свежей кровью и плотью, людомар водрузил на себя лианы растения, распределил их так, чтобы они равномерно скрывали его торс и часть ног. Липучки растения тут же впились в его одеяние и кожу. Улыбнувшись, охотник быстро провел ножом по одной лиане, и весь его костюм вдруг сразу ошетинился мелкими иголочками и небольшими треугольными листочками, жесткими и острыми, как лезвия кинжалов.

Забросив мешок за спину и прикрыв его щитом, людомар повернулся к подбежавшему тааколу. Тот подал ему еще два кожаных бревнышка и несколько маленьких плетеных коробочек. В одной из них кто-то недовольно копошился, в другой – предупреждающе жужжал. Коробочки заняли место на груди охотника, прилипнув к лианам.

Повязав свои голени от коленей до ступней тонкими веревками: и защита, и нужда в веревках в лесу немалая – людомар притянул к себе женщину и дотронулся носом ее уха. Она улыбнулась и протянула ему посох, служивший одновременно луком, и тонкий колчан со стрелами.

– Иисеп, – позвал он.

Полы доната натужно застонали, и на площадку перед домом вышло громадное животное. В холке оно достигало не менее полутора метров, было очень похоже на кошку, если бы не чересчур мощные передние лапы и худощавые задние. Морда у иисепа лишь верхней частью напоминала кошку, но там где у кошки есть маленький нос, у иисепа был большой раздвоенный надвое с четырьмя ноздрями. Привычной челюсти у него тоже не было. Внимательный наблюдатель заметил бы, что челюсть у иисепа была похожа на руку сильно согнутую в локте, и занимала все пространство от груди через шею и под нос. Иисеп протяжно зевнул.

Людомара улыбнулась.

– Ему бы еще поспать, – сказала она, подошла к животному и потрепала его за ухо. Иисеп заурчал от удовольствия.

– В путь! – приказал охотник, и животное, услышав эти слова, встрепенулось и слегка рыкнуло.

Сладострасный эвр. Необычный дар. Людомар Светлый

Путь к Светлому пролегал по тропе особо нелюбимой людомаром. Высокие охотники вообще не любили наземные тропинки и пути. На них слишком легко устроить засаду, поэтому Сын Прыгуна выбрал путь, проходивший по ветвям деревьев.

Он отошел от донада достаточно далеко, как вдруг над лесом разнесся дребезжащий рев. Неприятными волнами он расходился над верхушками деревьев, цеплялся за их ветви и вызвал мурашки на теле охотника.

– Соун, – невольно выдохнул Сын Прыгуна, сразу же насторожившись.

Древнейший рефлекс не позволил ему продолжить путь к единственному оставшемуся мудрецу своего народа. Он заставил охотника спрыгнуть с ветки и пойти по направлению к своему фамильному соуну.

Соун представлял собой старый тонкий ствол дерева, надлежащим образом очищенный изнутри. Он ничем не отличался от прочего бурелома, но те, кто знал, что это такое, могли в любое время прийти к нему и подудеть. Людомары всегда откликались на зов соуна. Помощь людомара стоила немало, но и обращались к ним те, кто находился в отчаянном положении. Чаще всего это были родители-пасмасы из близлежащих селений, дети которых забрели в Редколесье, а после и вовсе уходили в Черный лес, где их могли найти только людомары.

За много шагов до соуна Сын Прыгуна слышал женские всхлипы и недовольное бормотание мужчины.

У людомаров очень тонкий слух. Они способны слышать копошение муравьев на расстоянии в десять шагов. Между собой они общаются так тихо, что другие олюди не могут их слышать даже, если приставить их уши прямо ко рту людомара.

Рядом с трубой стоял низкорослый мужичок-пасмас. Это был узколобый, широколицый и остро смердящий пасмас коих в округе проживало невероятное количество. Рядом с мужчиной сидела заплаканная женщина.

Людомар остановился в дюжине шагов от них, закрыл свои уши ладонями и вопросительно посмотрел на пасмасов.

– Чего эт он? – удивился мужичок.

– Говори-говори, он слушает тебя, – толкнула его в плечо женщина. – Говори скорейше, он ждать не будет. Уйдет, вовек не сыщем.

– А? Да... да. Ты... людомар... – Мужичок замялся с непривычки, и вдруг выпалил: – Квава пропал. – Пасмас поперхнулся и, вдруг, зарыдал. Женщина тоже заплакала.

– Сынок мой пропал, – выдавила она.

– Спаси... Помоги! – взревел мужичонка.

– Не кричи ты так. Он оглохнет жежь! – набросилась на пасмаса женщина. – Добрый людомар, – зашептала она, обернув к охотнику заплаканное лицо, – наш сыночек пропал. Уж третий раз Владыка око свое открыл, да нас лицезрел. Третий раз как не видели сыночка нашего, окаянного. Уж я грозила ему вдаль, уж я и поплакала, и к ведьмочке сходила. Прознала та, что в Чернолесье он. Один одишешенек. Страшно ему. – Голос женщины дрогнул и она сбилась. – Верни нам... его... людомар. От нас... от нас... век мы тебе... – И она снова зарыдала в голос. Охотник ничего не успел сказать, как она подошла к нему и протянула грязную рубашонку. От нее за версту несло терпким запахом пота, мочой и фекалиями. – Его это накидочка... Помоги... помоги, добром да светом-теплом тебя прошу... миленький... помоги.

Охотник кивнул.

Дети рождали в душе любого людомара странную формацию чувств и ощущений, которую и через века невозможно будет описать даже приблизительно. Эти переживания можно сравнить только с тем, как калека переживает об утрате части плоти или как некто нежно любит то, чего у него никогда не было. Людомары не могли разродиться от любви между собой, как не умели любить. Никто не знал, откуда появляются дети-людомары в роще Явления, что у

Красных Свидиг. Этого не знал даже Светлый, кто много зим подряд разносил младенцев по донадам соплеменников.

Вытянув в руке грязную тряпицу-рубашонку, людомар указал на землю и вопросительно кивнул.

– Чего эт он? – снова не понял мужичок.

– Где? Где пропал? – Тут же нашлась женщина. – У рытвины они были...

– погоди ты, – пришел в себя пасмас. – У рытвины подле Онеларга были мы... – сказал он рассудительно.

– Там были, да... – перебила его женщина. – Третье око Владыкино уже зашло. Давно было... давно!.. – Пасмаска протянула последний слог и, в который раз, заревела.

Людомар принялся. Так и есть, пасмас еще носил на себе тошнотворный даже для людомаров запах помойной ямы. Такие ямы были только у холкунских городов, за что они и получили у людомаров название «смердящая яма».

Сын Прыгуна сделал жест, идите прочь, развернулся и скрылся за стволами деревьев.

Три дня прошло с тех пор, как исчез ребенок пасмасов. Три дня – это большой срок. Сквозь вонь тела пасмаски людомар уловил приятный запах, который исходит от женщины, у которой есть маленький ребенок. Нюх людомара различил даже, что этим ребенком была девочка, а значит, сын был уже не маленьким, и мальчишеские ноги могли унести тело очень далеко.

Глаза людомара слипались. Он слишком устал за время, проведенное на Дикой охоте, и зачинать новую охоту уже не было сил. Сын Прыгуна шел по ветвям, и на лице его отражалась суровая задумчивость, которой редко находилось время и место на лице людомаров.

Неожиданно, охотник остановился и присел на корточки. С неохотой он развязал небольшой мешочек на своем боку, вытащил оттуда свернутые трубочкой листья и с отвращением зажевал их.

Взгляд его начал проясняться, а тело наливалось силами. Не теряя времени, Сын Прыгуна вскочил на ноги и бросился вперед с такой скоростью, что даже иисеп с трудом поспевал за ним. Вскоре они оказались у кромки леса, за которой начинались Синие равнины. Во Владии была весна. И хотя весна подходила к концу, Крима, младшая сестра Месазы – повелительницы всех земель Владии, продолжала щедро украшать травами и цветами равнины у Великолесья. Глазам охотника открылся великолепный ковер из сочного разноцветья, простиравшийся вдаль настолько, насколько хватало глаз. Более всего среди цветковых красот выделялись своими нежно-синими лепестками олеуки – небольшие цветы, густо осыпавшие собой землю – из-за их множества, равнины были прозваны синими.

Утопая в буйстве цветочного ковра, вдалеке от леса возвышались стены холкунского города Онеларга, куда людомару и предстояло направить свои стопы. С неохотой вышел он на равнины. Опасливо озирался по сторонам, – знал, как его встретят в этих местах.

– Гляди, нерожденный... Посмотри... смотри-смотри, людомар, – доносилось до тонкого слуха Сына Прыгуна со всех сторон. Холкуны, пасмасы и пара брездов во все глаза смотрели на него, а единственный встретившийся дремс приветливо улыбнулся.

Охотник без труда нашел выгребную яму подле городских стен Онеларга.

Запах отца семейства он запомнил прекрасно. Сын Прыгуна не знал, чем от него пахло, но сквозь извечный пасмасский смрад пробивался тонкий приятный аромат, не присущий пасмасу. Еще одним запаховым кодом мужичонки была рана на ноге, которую людомар почувствовал сразу. Она давно гноилась, и мужичок прикладывал к ней пережеванные стебли пухтана. Судя по тому, что трава начала разлагаться, примочку он не менял давно.

Подле выгребной ямы копошилось много народу. Появление людомара в их рядах произвело на олюдей примерно такое же впечатление, как явление божества народу. Десятки бородатых чумазных лиц вытянулись в удивлении.

С трудом подавив в себе отвращение ко всему и всем, охотник несколько раз прошелся округ ямы, пока не уловил запах гниющей травы. Он увел его в сторону от ямы к старой покосившейся хибаре, почти вросшей в землю. Хибара оказалась харчевней.

Смеркалось. В столь поздний час харчевня была до отказа набита посетителями. Стены ее дрожали от громких голосов и пьяных песен, рвущихся из луженых глоток опьяневших вконец пасмасов и опустившихся холкунов.

Людомар благоразумно не решился входить внутрь хибарки, прошелся вокруг и к своему удивлению, в одном из углов, образованных харчевней и погребом, уловил тот же самый нежный сладковатый запах, который исходил от мужичонки.

Внезапно ему в нос бросился запах, от которого кровь в жилах закипела так, словно внутрь него бросили все рочиропсы этого мира. Охотник отпрянул и несколько раз чихнул. Сомнений нет, он уловил запах эвра. Невольный рык вырвался из его груди. Никого людомары ненавидели больше, чем эвров. Этот поганый народец давно бы вымер, если бы не взял отвратительную практику покупать у бедняков-олюдей их детей. Ходила легенда, что в древности эвры были прекрасны видом и умны, но проклятие, которое навлекли их вожди на свой народ своими отвратительными деяниями, лишило эвров возможности плодиться. Они не плодились, ибо не знали, что такое любовь мужчины к женщине. В этом народце мужчины предпочитают мужчин, а женщины – женщин. Очень скоро истинные эвры исчезли из Владии, а их место заняли несчастные дети бедняков, купленные у своих родителей за деньги для разврата и утех. Жизнь, противная богам, сделала эвров, происходящих из разных народов, похожими друг на друга. Они были безобразно полны от сытной жизни и бледно-серы кожей.

Людомар напал на след старого эвра. Он знал это. Он мог даже приблизительно описать его внешность.

Остаток ночи и все следующее утро, не зная ни сна, ни отдыха людомар преследовал купчину. На одной из его остановок, охотник ощутил запах детских фекалий, дикого ужаса и тот же самый тонкий сладкий аромат, который исходил и от мужичонки.

Охотник нагнал эвра на повороте дороги к вечеру следующего дня. Эвр тяжело шел, ведя за руку маленького мальчика лет семи, нескольких девочек меньшего возраста и странное толстопузое животное, уныло тянувшее повозку, сокрытую под грузом поклажи. Эвр представлял собой довольно крупного детину, грузно припадающего на правую ногу. Во всю дорогу, во всю округу, а людомару показалось, что и во все Чернолесье разносился сладковато-приторный запах его тела.

На дороге, по которой шел эвр, было множество народа. Олюди с отвращением взирали на толстяка и с жалостью на детей, а он лишь улыбался им в ответ, похлопывая ладонью по спинам и попам детей. Услада светилась в его глазах, услада ненасытной жадной похоти.

Сын Прыгуна, едва завидел эвра, тут же свернул в сторону, и некоторое время шел далеко от него, выжидая удобного момента. Иисеп следовал поодаль, принимаясь к чуждым для него запахам Синих равнин.

Дождавшись, когда на дороге не окажется никого, кроме них, охотник стремительно приблизился к эвру. Окрестности сотряслись – так показалось людомару – от клокота, который вырвался из живота старого сластолюбца, когда тот увидел перед собой людомара.

– Что такое? Почему ты загораживаешь мне путь, дикарь? – сделал вид, что удивился он, вытаскивая из ножен меч. – Мои воины ждут меня вон там, – он указал рукой на харчевню вдалеке, – если я...

Людомар указал на мальчика и сделал жест, отдай.

– Что? Его? Я? – Во Владии ходило несколько поговорок про эвров, но самой распространенной была: «Эвры богаты, но не найти беднее их, если попросить отдать хотя бы и грязный камень из-под их ноги». – Я его не крал, – искренне возмутился толстяк. – Тебя обманули. Презренные пасмасы, грязные ублюдки... Он сам мне его отдал. Я его купил. – Людомар заметил, что эвр и впрямь удивился. – Ты молчишь... Трудно говорить, когда молчат. Дикарь, тебя обманули. Я не крал его, а купил у его отца. Там, у Онеларга. Ты меня понимаешь? Я заплатил за него три рочиропса. Что ты еще хочешь услышать? Ты не веришь? Вот, смотри. – Эвр достал пасмасский пояс. – Это пояс его отца. Он здесь развязан. Не порван. Это означает, что пасмас совершил сделку добровольно. Хотя, откуда тебе знать об их традициях. Ты же дикарь. Но ты снова не веришь. Тогда, – эвр расплылся в широчайшей улыбке, – тогда спроси у самого мальчика. Ну, говори же, говори! – Дернул он за руку испуганного ребенка.

– Папа отдал меня, – подтвердил мальчик. Он был очень грустен. Его заплаканное лицо содержало следы недавних побоев и грязные разводы.

– Ты слышал, дикарь, малец не врет. Пасмас отдал мне его... и немного себя, – вдруг не удержался и скокетничал эвр. – Он оказал мне очень полезную услугу... там. Я не хотел его покупать. Он мне не нравится. Слишком своенравен и капризен. Мы договорились, что отца сменит сын... лишь на время... а потом он продал его, но с обещанием, что мальчик будет жить хорошо. Я пообещал и сдержу слово... – Мальчик неожиданно сморщился и потрогал себя рукой сзади.

Людомар присел на корточки, раскрыл свои большие глаза и задудел губами. Звук проник в уши стоявших перед ним олюдей и заставлял их оцепенеть. Зрачки детей медленно расширились, а эвр затрясся в ужасе – он, видимо, знал этот звук.

Ни дети, ни эвр не уловили стремительного движения иисепа, которому людомар дал команду на атаку. Не издав ни звука, эвр умер и был стащен с дороги. Лишь сухой щелчок переломанных шейных позвонков сообщил миру о его кончине.

Сын Прыгуна перестал дудеть. Мальчик и девочки встрепенулись, словно бы только что пробудились ото сна, и стали молча оглядываться по сторонам.

– Где Пукки? – спросила одна из девочек боязливо. – Нам нельзя без него.

Людомар показал жестами, он ушел. Дети еще несколько раз повертели головами по сторонам и... расплакались от радости.

– Верни меня к маме, людомар... пожалуйста, верни меня домой... мы хотим домой, – бросились они к охотнику, невзирая на то, что о людомарах на Равнинах ходила незаслуженно дурная слава.

Сын Прыгуна растерялся, когда его ноги обхватили шесть детских ручонков. Он рассчитывал привести родителям одно дитя, а что делать с другими – не имел понятия. Мысль об омкан-хууте неотступно преследовала его, а дети, прильнувшие к ногам, означали только одно – много потерянного времени.

– Эй, ты! Чего это... ты? – окликнули высокого охотника из-за спины.

Сын Прыгуна обернулся и увидел холкунов, шедших по дороге торговым караваном. Первая лошадь уже приближалась к охотнику, когда последняя только выходила из ворот далекой харчевенки.

– Гляди, холы, это нерожденный.

– Людомар ли?

– Он самый!

– Фью-ю!

Холкуны были веселым народом, не боялись людомаров, зато людомары опасались их, ибо как первые не понимали жизнь в вечном сумраке Чернолесья, так вторые не могли взять в толк прелести проживания в смердящих городах.

– Откуда это у тебя столько детей? – насторожился один из холкунов, видимо, старший. Лязгнуло железо, и холкуны направили в сторону охотника топоры, мечи и пики.

– Не бейте его! – закричала вдруг одна из девочек и расплакалась. Она встала так, что ее хлипкое тельце преграждало путь к людомару.

Лица воинов смягчились.

– Потерялись они, что ли? – спросили караванщики.

Но мальчик Квава произнес лишь одно слово, «эвр», и холкунам тут же стало все понятно.

– Гляди, холы, вот это животино! – раздалось из задних рядов, и в траву полетело копье.

Прежде, чем кто-нибудь успел что-то понять, людомар стянул с плеча лук, наложил стрелу и пустил ее в копье. Стрела впилась в древко оружия, и копье бесполезной палкой отлетело в траву.

– О-о-о! – пронеслось по рядам воинов. Обе стороны снова пребывали в замешательстве.

– Оставь его, ребята! – приказал, наконец, старший. – Заберем детей, и пусть идет, куда ему вздумается.

Дети снова заревели, но людомар сам поднес их холкунам и помог водрузить на подошедшие телеги. С облегчением Сын Прыгуна продолжил было путь, но нутро его скребла неотступная въедливая мысль.

Никто не заметил, как ночью маленького Кваву выкрали из телеги.

Неся восторженно озиравшегося мальчика на своих плечах, людомар улыбался – что бывало редко – ибо слово, данное у соуна, должно было быть исполнено.

Намного опередив караван, охотник снова вышел на дорогу, а после и вовсе запрыгнул на выехавшую из полей телегу. Правивший ею пасмас был настолько стар, что помнил людомаров и не боялся их. Он лишь удивленно побряхтывал от возможности лицезреть высокого охотника и, говоря, «охо-хо» накручивал кончик грязной бородки. И никто, кроме людомара не слышал и не чувствовал, как далеко в поле, вместе с ними тяжелой поступью шел иисеп, сжимая в челюстях полу съеденное тело эвра.

Возвращение ребенка не оказалось радостным. Мужичонка, протрезвев и поняв, что вместе со своей честью он продал у харчевни и сына, повесился, от чего его жена пришла в еще большее отчаяние. Пасмаска билась в истерике и оглашала обветшалую хибарку истошными воплями в тот момент, когда людомар вошел внутрь, сопровождаемый молчаливым конвоем из деревенской детворы, любопытно-пораженной видом лесного охотника.

– Ой, что же ты наделал-то! – набросилась голосащая баба на сына. – Папку извел! – С этими словами она со всей своей бабьей дури начала хлестать мальчика по щекам.

Людомар стоял с заткнутыми руками ушами и с удивлением смотрел на нее. Охотнику трудно понять то множество эмоций, которые часто охватывают пасмасов. Собственно, этим, да еще своей неопрятностью и бедностью данный народец и знаменит.

Даже рассказ Сына Прыгуна о том, что мальчик никуда не сбегал, а был продан отцом за кристаллы тепла, ничего не изменил. Потеряв кормильца, женщина вконец обезумела. Держа на руках ребенка, девочку лет трех, пасмаска покачивалась взад и вперед, обводя безумными невидящими глазами пространство перед собой. Разум ее просветлел лишь в миг, когда глаза натолкнулись на людомара.

– Ничего не дам! – не своим голосом заорала она. – Прочь! Ничего не получишь! – Она едва не швырнула дочь в охотника. – Уйди прочь!

– Нельзя так, Дорива! – зацыкали на нее со всех сторон.

– Нечего мне ему дать. Нет у меня ничего! Пусть не ожидает... Тьфу-тьфу-тьфу! – Глаза пасмаски неожиданно округлились. – Это ты виноват, – вдруг подступила она к охотнику, – ты накликать беду... поганый...

– Что ты! Что ты?! – замахали на нее со всех сторон, ибо вся деревня знала, что именно Дорива пошла к людомару, а не он пришел к ней.

– Доря, – прокралась к женщине старуха, сморщенная настолько, что под наплывали обвисшей кожи было трудно разглядеть ее лицо. Старуха что-то зашептала пасмаске, и та умолкла. – Надо отдать, – принялась повторять советчица, поглаживая безутешную женщину по голове. – Не то вернется он, и скот наш пожрет.

С чего пасмасы взяли, что людомары мстительны, никому доподлинно неизвестно, но факт оставался фактом: людомары не испортили ничего ни одному пасмасу, но этого словно и не было – все обвиняли их во вредительстве.

Людомар развернулся, и хотел было уходить, но старуха заметила его движения, бросались вслед, изъяснив незаурядное мастерство в прыжках и беге, и остановила охотника, преградив ему путь:

– Уходя – не уйдешь, возвратись – не вернешься! – крикливо припевала она, пританцовывая. – Убереги нас, Зверобог, от возврата слуги твоего на веки вечные с дурными мыслями. Не уходи от нас, – по-доброму обратилась она к людомару, – а коли пошел, так возьми от нас. Не можем делиться ничем, так хоть плотью своей поделимся с тобой. Возьми вот нас в ней.

Из-за спины старухи к людомару вытолкнули малюсенький комочек, смотревший на него широко открытыми от ужаса карими глазами. Комочек дико трясся.

– Сиротка она. Не взыщи. Более не знаем, что отдавать. Нету у нас более ничего! – С этим старуха, подпрыгивая, отошла прочь и встала в углу, подле какого-то пасмасского божка.

Людомар отмахнулся, не нужно мне, рыкнул, развернулся и пошел прочь. Маленький комочек под науськивание и угрозы поселян заспешил за ним.

Пасмасский ребенок в Чернолесье сродни табуну дико вопящих ишаков в степи – слышно отовсюду и видно всем. Его шаги для слуха рядового обитателя лесной чащобы были слышимы примерно так же, как громыхание молота о наковальню для слуха простого олюдя.

Раздосадованный и сильно уставший людомар, сморщенный многодневным бодрствованием и тревогами, которые вселил в его душу омкан-хуут, не сразу заметил, что малышка преследует его. Его оглушил ее вскрик, когда перед охотником, словно бы из-под земли вырос иисеп. Огромное пузо, забитое съеденным эвром, делало и без того неприветливый вид животного ужасающим.

Крик из-за спины заставил людомара вздрогнуть и обернуться. Не будь он уже шестые сутки на ногах, никогда бы не допустил такого промаха. Не заметить пасмаса позади себя для охотника то же самое, что самому забраться в пасть омкана.

Иисеп выглядел очень ленивым. Он хорошо выспался за то время, пока отсутствовал его хозяин. Людомар посмотрел ему в глаза и приказал подобрать ребенка. Понимание между людомарами и иисепами веками совершенствовалось, и достигло уровня тончайшей интуитивной связи.

– А-а-а! – закричал ребенок, когда громадное для него чудовище стало приближаться.

Не зная, что делать, девочка с удивительной для нее быстротой метнулась вперед и затерялась у ног людомара. Не успел он опомниться, как ребенок с несвойственной его годам проворностью взобрался на высокого охотника и повис на поясе.

Людомар осторожно снял девочку с себя. Она была настолько маленькой, что умещалась у него на ладони. Их глаза встретились: ясные испуганно-наивные глаза ребенка и взгляд лесного хищника, хоть и с олюдским лицом.

Говорят, что многих олюдей завораживает взгляд людомаров. Глаза охотников радужны и этим самым необычайно красивы в понимании нелесников. Ребенок, несмотря на свой испуг, также заворожено уставился в глаза охотника и даже приоткрыл свой крошечный ротик.

Отставив руку подальше – людомар не переносил естественный запах пасмасов – он критически ее оглядел. По всему выходило, что нужно возвращаться домой. Однако сразу же за этой мыслью всплыл образ омкан-хуута. Людомар невольно сжал губы и глухо зарычал.

Показывая, что иисеп не враг ему и ей, Сын Прыгуна погладил животное и заставил девочку погладить его. После, он пересадил ее на шею иисепу.

Умостившись на широкой шее хищника, ребенок неожиданно быстро уснул. Людомар вздохнул с облегчением, – можно было продолжить путь.

Оранжевые кущи, где проживал Светлый, сплошь состояли из зарослей йордона – пучкообразного безлистного дерева, привлекавшего стариков-людомаров тем, что его ветви были очень густы, прочны и прямы, что облегчало труд строительства донадов. Свои донады они по старинной традиции оставляли молодым охотникам.

Людомар прошел еще пару километров и остановился. Дальше идти не было сил. Он постоял в раздумье и резко свернул в сторону. Найти листья фриира не представляло большого труда. Сжевав несколько веток с этими листьями, людомар почувствовал, как силы стали прибывать.

Еще двое суток он безостановочно бежал в сторону Оранжевых кущ.

Сын Прыгуна ощутил запах зарослей йордона, к которым стремился все это время, задолго до того, как они явились его взору. Со стороны заросли этого странного дерева напоминали проплешины на голове старика и сверкали своей желтизной на сочном фоне зелено-синей растительности Чернолесья.

Редколесье, по которому шли людомар и его спутники, кишмя кишело всякой живностью.

Почти у самых Оранжевых кущ людомар услышал слабое «Кхи-кхи!» Он остановился и обернулся на звук. Девочка лежала на холке иисепа и изможденным взглядом смотрела на охотника.

Людомар фыркнул: он совсем забыл про наличие ребенка. Испуганная бедняжка не ела и не пила два дня, но, в конце концов, голод и жажда победили страх, и она решила напомнить о своем существовании.

Жаль, что под рукой не было ниуса. С помощью его мелких дротиков с паралитическим ядом на конце людомар бы без труда добыл птицу или мелкого зверя. Теперь же, здесь в Редколесье да еще при свете солнца будет очень трудно достать еду. Людомары бросали ниусы малозаметным движением кисти. Охота с луком была слишком грубым видом охоты, ибо натяжение и скрип лука были слышны на многие метры вокруг.

От необходимости покормить малышку сознание людомара вмиг прояснилось. Самое простое, найти ей питья. Это было не сложно. Сок йордона сладок и очень питателен, хотя охотник не знал, пригоден ли он для пасмасов. Но попробовать стоило.

Первым делом людомар тщательно обнюхал ребенка, пытаясь дотянуться до запахов из ее кишок: что она ела последний раз. От нее пахло прокисшим молоком и забродившим хлебом. Этого в редколесье отродясь не найти.

Подумав еще некоторое время, людомар принялся собирать жуков и иных насекомых, которые девочка брезгливо отвергла. Охотник с удовольствием съел их сам. Лишь к вечеру ему повезло добыть нескольких ящериц, вылезших погреться на солнце.

Завидев эту добычу, девочка заулыбалась, ловко скатилась со спины иисепа и вытащила из-за пазухи рочиропс. Он был замызган и очень грязен. К тому же зелен, что говорило о его низжайшем качестве.

– Пфу! – показала она, что плюет на него. – Пфу! – и протянула охотнику. Тот плюнул на кристалл.

Тихое шипение со временем превратилось с пышущий жар.

Девочка снова взобралась на людомара, без спроса вытащила с его бока кривой нож-клык и поделила ящериц на мелкие кусочки. Каждый из них она принялась жаривать и тут же есть. Куски, причитавшиеся людомару и иисепу, она аккуратно раскладывала в стороны от себя.

Иисеп с интересом втягивал запах жареного мяса, но по взгляду охотника понял, что ему нельзя подходить к девочке, ибо одного взмаха языка было достаточно, чтобы слизать не только кусочки мяса, но и самого ребенка.

– Сын Прыгуна, ты ли так зовешься?! – раздался голос позади охотника. Он резко обернулся. – Да-а, это ты, Сын Прыгуна. – Светлый, появившийся в нескольких десятках шагов от троицы, быстро подходил к очагу. Его седые космы свисали перед ушами двумя длинными косичками, а бородка была скреплена деревянными палочками.

Девочка подняла голову, быстро окинула взором лица людомара и иисепа, заметила спокойствие на них, и не нашла причин самой обеспокоиться.

– Ты в Редколесье, не забывай это. Чернолесье сокроет тебя и твои следы. Здесь все по-иному. Даже мой старый нос учуял запах жаркого.

Светлый мало чем отличался от Сына Прыгуна. Может быть, был немного выше него. Людомары все на одно лицо. Почти.

– Почему ты здесь? – спросил Светлый, и, не дождавшись ответа, спросил снова: – Ты оглох ли?

– Нет, мар... Я не оглох. Я устал. С последнего дождя я не сомкнул глаз.

Светлый остановился, оправил пепельного цвета волосы – лишь настолько иссиня-черная шевелюра людомаров могла выцветать к старости – и внимательно посмотрел на охотника.

– Ты долго не спал, но я знаю, с чем ты пришел. Иди за мной.

Приказав иисепу приглядывать за малышкой, охотник направился вслед за старцем.

Подходя к йордону, на котором стоял донад Светлого, людомар почувствовал присутствие другого охотника. Через некоторое время он заметил две ноги, высовывавшиеся из-под ближайшего куста.

– Он спит, – сказал старец, не оборачиваясь.

Они поднялись на верхний ярус ветвей.

Донад Светлого не представлял собой ничего особенного. Обыкновенное жилище старика: пяти шагов хватило бы, чтобы пройти его вдоль, и еще столько же – поперек.

– Эльения, – проговорил старик и толкнул стену своего жилища. Стена разошлась в стороны и сокрыла старика.

Сын Прыгуна опешил. Он с удивлением заглянул за стену. Край донада свисал с ветвей дерева и пребывал на высоте пятидесяти локтей.

В этот момент старик снова возник прямо из стены, и с улыбкой посмотрел на молодого охотника.

– Тебе еще не ведома лесная магия? – спросил он. – Даже магия ходов неведома тебе?

– Я сторонюсь магии, – отвечал людомар. – Не по нраву она мне.

– Оно и верно! – закричал старик. – Ты молод, а потому тело и мысль твои подобны магии. На все способны. Но скоро и ты придешь к ней. Это верно, как и то, что старость настигнет тебя, как настигла меня. Но... – Он вздохнул. – Не об этом пришел ты говорить со мной, так ли? – Людомар кивнул. – Наш народ уменьшается, – со вздохом, перемешанным с кряхтением, произнес старик, усаживаясь на сук дерева, удачно расположившийся в доме и заменявший ему скамью. – Почему ты не присядешь?

– Я усну. Говори свое, а потом я скажу, зачем пришел.

– Ты зол. Ты не спал. Если все так, значит и ты видел омкан-хуута.

Охотник кивнул. Неожиданно его пошатнуло. Ноги подогнулись, и он оперся спиной о стену донада.

– Тот, который спит внизу, – тут же перешел к делу старец, – его зовут Темный лист. Он пришел ко мне по вчерашнему солнцу. Он рассказал, что перед дождем столкнулся в Чернолесье с омкан-хуутом у Прозрачного ручья, там, где Кровокамень поддерживает кумира Зверобога. Он видел останки дремсов. Они свалены в кучу неподалеку от Камня, в чаще. Где видел зверя ты?

– Три солнца прочь от донада по тропе к Гнилому озеру.

Старик нахмурился.

– По всему выходит, что за один переход омкан-хуут прошел столько, сколько не преодолет и самый лучший из нас.

Это замечание было верным: между двумя местами встречи было не меньше двенадцати дней пути. Даже лучший из охотников не смог бы преодолеть это расстояние за один день.

– Их двое, – сделал за него вывод Сын Прыгуна.

– Нет, такое не может быть. Чернолесье не выдержит двух омкан-хуутов. Они пожрут нас и все живое, что здесь есть. Заходи, – неожиданно закричал старик, – не стой подле него. Он спит.

– Прости, Светлый, – закричали от корней дерева, – прости, что пришел к тебе без спросу, но мое дело не терпит. – Ветви йордона натужно заскрипели под тяжестью тела, которое полезло вверх. В донад протиснулся детина-дремс, от которого за версту разило терпким запахом пота и перегнившей еды. Он был огромного роста и одет в толстую шкуру. Голову и лицо его прикрывала густая шевелюра из волос и бороды; за спиной висел толстый круглый щит, сплетенный из прутьев твердокаменного дерева; в руках детина сжимал два топора. Еще один, почти алебарда, висел у него за спиной. К поясу был приторочен широкий короткий нож.

– Ничего... ничего, – поднялся старик и улыбнулся: – Мы, людомары, к концу жизни становимся общительными. Нам в радость говорить с другими и многое приятно, что в молодости нашей было отвратительно. Заходи, Плакса. – Плакса покосился на Сына Прыгуна. – И ты ко мне пришел с той же новостью?

– Если ты говоришь о громадных древовидных змеях, то да, я с этим, – кивнул он.

– Змеи? – спросил старик, усаживаясь удобнее.

– Мигрон прислал меня к тебе. Ты помнишь его?

– Помню. Мы встречались и не раз... Как поживает его сестра... кажется, Зорона ее звали.

– Ха-ха-ха! – расхохотался Плакса. – Все наслышаны о вашем споре. Хорошо же ты его надул. Он до сих пор рассказывает нашим детям про этот случай и наказывает не верить людомарам.

Светлый улыбнулся. – Ты говорил про змеев, – напомнил он.

– Да, после дождя к Мигрону пришли наши охотники, а после них выходил он прочь из деревни. Когда вернулся, то призвал меня и послал к тебе. – Плакса замолк, прокашлялся и, глубоко вдохнув, начал говорить:

– Роды Чернолесья в дождь лишились шестерых охотников, а те, кто вернулся, говорят о том, что повстречали гигантских древовидных змей. Те, дескать, и потаскали охотников. После дождя тех змеев и след простыл, а мы не знаем, что делать. Как теперь жить с Черным лесом. Я узнать хочу, не означало ли это, что Зверобог прогневался на нас?

Старик качал головой, в такт словам Плаксы, а когда тот окончил, долгое время молчал.

– Лягте и отдохните, – проговорил он, наконец, – не сможешь? – Светлый склонил голову набок и заглянул в глаза Сына Прыгуна. Тот что-то бормотал себе под нос. Еле различимо в пространство выплеснулись несколько слов: «омкан», «змеи» и «людомары».

– Бредит, что ль? – нахмурился Плакса.

– Нет-нет, – мягко улыбнулся Светлый, – он думает. Сын Прыгуна, иди за мной. Здесь лучше думается. – Старик повел людомара прямо к стене и втокнул в нее.

Неожиданная прохлада и успокоение навалились на охотника. С удивлением очутился он в небольшой, но уютной комнатке, где царил полумрак, и еле различимо пахло свежими цветами.

– Ты говоришь то, что дремсам знать не надобно, – прозвучало грозно за его плечами.

– Прости... я... – людомар с трудом собирался с мыслями.

– Ты будешь спать. Спать недолго, но глубоко. Ты отдохнешь, – сказал Светлый. Он вытянул руку вперед и в самом центре его ладони зародился и вырос желто-зеленый шар, нежного-зеленого свечения. Подобно капле воды колыхался он на ладони старика. Светлый придавил его к лицу Сына Прыгуна. Шар лопнул. И перед глазами молодого охотника низвергся многоцветный водопад, унося его в кружении в небеса.

Глухолесье

Людомар спал с таким наслаждением, с каким спят только малые дети. Когда он проснулся, то почувствовал, как слюна сладкого сна засохла на его щеке. Перед глазами стояла пелена. Когда она разошлась, он увидел лицо другого людомара. Тот с интересом наблюдал за охотником.

Сын Прыгуна быстро сел, а потом вскочил на ноги. Пора было пускаться в обратный путь. Слишком многое предстояло сделать.

До его слуха донесся детский смех. Примерно в двух полетах стрелы от доната Светлого играли девочка и иисеп. За время его сна оба сдружились друг с другом с такой силой, словно были знакомы всегда.

Людомар потянулся, захрустев затекшими костями и сухожилиями.

Путь домой затянулся лишь на день и половину ночи. Этого срока хватило людомару, чтобы зайти в смердящую яму и захватить порошка для женщины. Он не понял, как, но ему еще всучили и идол Зверобога в виде разинувшего пасть чудища.

Проблема с прокормом малышки разрешилась сама собой. Иисеп вошел в интуитивный контакт и с ней, и заведомо знал, когда ей хочется пить и есть.

Лишь тогда, когда они подошли к Чернолесью, малышка заставила всех остановиться, потому что захныкала, поняв, что ее ведут во мрак. Пришлось взбираться на самый верх кроны для того, чтобы девочка не теряла связь с солнцем.

– Тссс! – наказал ей людомар, хотя это и было излишним.

Восторг по поводу того, что ее вознесли на сотню метров к небесам, быстро истощил силы малышки, и вскоре девочка крепко спала. До дома Сын Прыгуна добрался без каких-либо заминок. Ааги – растения, извечные стражники, охранявшие вход в донат людомаров, расступились, узнав хозяина.

– Ты! – улыбнулась Дочь Прыгуна и обняла брата. От нее пахло жареным мясом и лесными пряностями. Вопреки мнению окружающих, Чернолесье, при умелости, давало многое

для хорошей жизни. Людомара заглянула в глаза Сына Прыгуна и опечалилась. – То был омкан-хуут? – Ее интонация чуть-чуть не дотянула до вопроса. И она разочарованно оглядела свою вотчину.

«Кхи», донеслось до них. Дочь Прыгуна изменилась в лице, с ужасом посмотрев на брата. Ее губы готовы были зашевелиться, когда он остановил ее жестом, не надо.

– Ессь. Ессь хосю, – прогрохотало позади.

Оба вздрогнули. Глаза людомары распахнулись еще шире, и она с опаской заглянула за спину охотнику, так, словно на его спине сидела опасная тварь.

– Это пасмасский детеныш. Ты украл их детеныша? Зачем? – изумленно проговорила женщина.

– Нет. Они отдали сами. Они заплатили.

– Детенышем?

– Да. Я вернул им одного. Они мне дали... этого. Я отдам его дремсам, когда уйдем отсюда. Ему не место с нами. Он громкий. – Людомар почесал затылок, вынул оттуда какую-то гниду и съел. Потом взял большой кусок жареного мяса и жадно впился в него своими полузубами полу клыками.

Женщина принялась и пошла в сторону иисепа, который стал отчего-то отступать от нее.

– Се-е... Пить... хосю пить, – громко требовали с его заливка.

Краем глаза людомар наблюдал, как маленькие белые ладошки взвились над холкой зверя и ударили его. Девочка не только не боялась, она уже не просила, но требовала поесть и попить – окончательно обвыклась.

– Иисеп, стой. Куда ты пятишься? Отдай ее, – подошла женщина к зверю.

– Р-р-р-р, – неожиданно донеслось от него.

Людомара остолбенела. Иисеп никогда не рычал на нее. Удивило это и охотника.

– Иисеп, отдай ей детеныша.

Спорить с хозяином зверь не решился, и людомара наконец-то заполучила ребенка в свои руки. Едва девочка оказалась близко к женщине, она тут же намертво вцепилась в ее волосы и с силой потянула.

– Что ты делаешь? – вскричала та, а ребенок от всей души расхохотался:

– Впеле-е-ед... ессь... ессь...

– Отпусти. Брат, она... непонятная...

Охотник поднялся с места и подошел к ним. Девочка тут же приняла самый смиренный вид. Она отпустила волосы женщины и улыбнулась ему во всю ширь своего рта. Едва он отошел, она пнула ножкой людомару по руке и уже двумя руками вцепилась в прядь ее волос.

– Ай! – встрепенулась та. – Пусти же!

– Говори громче. Пасмасы плохо слышат... очень плохо, – пережевывая куски мяса, проговорил охотник.

Бросив часть еды иисепу, он пошел собираться в дорогу.

Войдя в удлиненный угол одной из двух комнат, Сын Прыгуна протянул руку и вытащил толстое древко. Древко оканчивалось виловидным наконечником, состоявшим из двух острых как бритва кинжалов. Это был знаменитый людомарский хар. Традиционное оружие, которое выделяло людомаров из всех олюдей. Его толстое древко содержало внутри себя два небольших дротика и ниус – плевательную трубку, с помощью которой в тишине Чернолесья находила свою кончину мелкая дичь.

Покончив со сборами, он вышел вон, призвал иисепа и отправился в путь даже не прощавшись с людомарой, занятой борьбой с цепкими ручонками пасмасского детеныша.

То, что посоветовал ему Светлый, не шло ни в какое сравнение со всеми задачами, которые людомару доводилось выполнять до этого момента. Оказалось, что отстроить донад – это не такая уж и легкая задача. На это потребуется очень много времени, учитывая те особые меры безопасности, которые должен предпринять людомар, чтобы уберечь свой дом от омкан-хуутов и гигантских змеев.

Сначала предстояло сделать самое простое: найти дерево-мек, на котором расположится донад, затем пойти в Глухие леса и раздобыть там взрослого округистого паука, после этого разыскать растения под названием крацирик и чапа, и только потом начать возводить дом.

Больше всего не нравилось людомару то, что Светлый указал ему переселиться ближе к Редколесью. Хотя там и больше пищи, но в Редколесье любой охотник чувствовал себя неуверенно, так как людомары привыкли к тесноте чащобы, полутьме и безмолвию. В редкие минуты, когда не нужно было идти на охоту или делать иные дела, Сын Прыгуна любил понежиться в гамаке, созданном из искусно переплетенных веток верхней кроны мека.

Бескрайнее сине-зеленое море колыхалось в те моменты прямо под ним, а он плыл в тишине его мощи, спокойной и безмятежной. В такие моменты в душе людомара поселялся тот особый вид покоя, который можно смело назвать вечным. Сотни звуков и запахов мерно вплывали в его голову. Он ловил их, делил или складывал, и составлял из них невообразимые букеты образов.

Пребывая в подобных мечтах, Сын Прыгуна дошел до соуна. Там он заставил себя возвратиться в реальность, по-охотничьи подобрался, насторожился и осторожно продолжил путь, следуя по кромке Чернолесья, и к концу второго дня достиг границы Чернолесья с Глухим лесом.

Глухолесье отличалось от Черного леса тем, что хранило под собой заливные луга. В незапамятные времена, неизвестно по каким причинам ручьи изменили свои направления и стали стекаться в небольшие низменности. Растительность, покрывающая подобные территории отличалась однообразием. В Глухолесье рос лишь один вид деревьев. Это были пышные фразаны, стоящие на длинных гладких стволах, уходящих наполовину под воду. Пышные шапки фразанов из изогнутых кругом тончайших ветвей, усыпанных мелкими листиками-пушинками, создавали непроницаемую для воздуха словно бы перьевую преграду. В фразанах селились тучи мошкары, которые привлекали пауков.

Убив по дороге нескольких мелких зверьков, людомар взобрался на дерево и разложил их на верхних ветвях, прикрыв листьями. Ужин готов.

Меков в этих краях было множество. Удивительно, как эта мысль раньше не пришла ему в голову: здесь, в этом месте шла чересполосица из Глухолесья, Чернолесья и Редколесья. Сюда уж точно никто не будет заглядывать. Сизые болота, располагавшиеся в двух днях пути, порождали такое количество комаров и иных гнид, что отбивали у олюдей, кроме людомаров, всякое желание здесь жить или даже ходить. С другой стороны, в кроне Глухих лесов было так мало кислорода, что любой олюдь, кроме дремсов и людомаров, не имел шансов выжить среди них даже один день.

Людомара охватила странная лихорадка. Он впервые в жизни создавал нечто свое – только свое! Все, что он имел, досталось ему от отца, и он до сих пор не понял, насколько был готов к переменам.

Опираясь на хар, иногда используя его для перехода с ветки на ветку, охотник довольно быстро передвигался по вершинам вековых деревьев. Хотя он был готов всякий раз «встретиться» с Глухолесьем, его начало было несколько неожиданным. Разлапистое высокое дерево как-то резко оборвалось. Удивительно было видеть, как оно росло ветвями только в одну сторону – противоположную сторону от Глухолесья. Далеко внизу простиралась мягкая перина светло-серых, вперемежку с желтым, крон фразанов.

Держась за ствол дерева, людомар стоял над бескрайним, как ему виделось, серо-желтым морем. Его кроны напоминали сверху облака, неведомо как заблудившиеся на небесах и сбившиеся в испуганную кучу в этом месте, зажатые мощными древесными стенами Чернолесья.

Чувства охотника вмиг обострились. Зрение, слух, обоняние и осязание, но, самое главное, чутье хищника обострилось до предела. Пауки, за которыми он начинал охоту были ловки и быстры. Сами по себе они были неопасны, но место, в котором они обитали – не было опаснее этих полу болот полу лесов. Комары размером с ладонь, разнообразные жуки и тараканы, мошкара, – все эти твари приняла в Глухолесье весьма недружелюбные формы. Особенно были страшны сурны – паукообразные ящерицы, размером с локоть, обладающие мощнейшей челюстью и острейшими резцами. Они кишмя кишели под кронами фразанов. Ко всем этим особенностям добавлялось и то, что фразаны пропускали под свой покров мало воздуха, а испарения делали внутренний климат леса чрезвычайно жарким и влажным.

Людомар знал, что проникнуть внутрь можно только через узкую щель, и делать это нужно как можно скорее, чтобы тучи обитателей не прознали по проникновению свежего воздуха, что в их мирок прошел чужак.

Обрубив несколько веток, охотник спустился на кроны фразанов и пошел по ним. Пространство вокруг него слегка колыхалось, однако разводы от его шагов не были слишком сильны.

Нос людомара беспрестанно двигался. Наконец он уловил запах паука. Наскоро сложив ветки одна с другой и покрыв их сверху щитом и клибо, снятым с себя, охотник соорудил небольшой шалаш.

Прорезав отверстие в кроне фразанов ровно настолько, насколько было необходимо для протискивания внутрь, людомар тут же заткнул этот прорез самим собой, глубоко вдохнул и скрылся внутри, закрыв отверстие щитом словно люком.

Несмотря на то, что крона фразанов была светла, у подножия деревьев царил полумрак. Охотник спускался осторожно. Самым опасным был спуск по стволу фразана, ибо ствол этот был абсолютно гладким.

Людомар спустился по нему практически бесшумно. Лишь у самой кромки воды его левая ступня соскользнула и чрезмерно быстро вошла под воду. Раздался едва различимый всплеск.

Охотник замер, прижавшись к стволу, и стал вслушиваться.

Его обоняние уловило тонкую струйку свежего воздуха, который витиевато проникал вслед за ним, поэтому Сын Прыгуна подтянулся и плотнее задернул место спуска. Он обнюхал себя, так и есть, от него пахло лесной свежестью. Мгновение, и охотник погрузился в стоячие воды Глухолесья. Вылезая обратно, он осторожно отерся. Вода у корней фразанов пахла затхлым, и тело людомара впитало этот запах. Теперь он полноправный житель этих мест.

Необычайная тишина поразила слух людомара. Нос доносил ему, что под сводами деревьев есть жизнь, но она никак себя не проявляла. Оглядевшись, он убедился, что его приход никем не замечен и осторожно ступил на ветку, ведущую вглубь Глухолесья.

Через некоторое время ему пришлось снова погрузиться в воду. Вода была нестерпимо горячая. От нее поднимались испарения щипавшие глаза, но людомар не обращал на это внимание. Ему нужна была паутина, и он намеревался ее добыть. Закрыв уши пробками, он осторожно погрузился под воду. То, что он услышал, повергло его в необычайное волнение. Вода молчала!

Такого просто не могло быть! Ни звука, ни одного раздражения не передавала водная толща. В абсолютное безмолвие не поверил бы даже и болван. А людомар болваном не был. Как ни пытался он сохранять спокойствие, но нутром охотник резко ощутил присутствие смерти.

Кровь рванулась, разрывая сосуды своим напором и давлением. Воздуха стало резко не хватать. Людомар приказал себе успокоиться и не двигался до тех пор, пока сердце не пришло в норму.

Легкий всплеск привлек его внимание. Вода передала не только всплеск, но и легкое шуршание влаги между ячейками. Шуршание было множественным и значит воду задела сурна.

Людомар опустил под воду и стал вслушиваться. На звуковом уровне водная толща была абсолютно спокойна. Все жизненные процессы в организме охотника постепенно замирали. Он весь превратился в слух.

Внезапно его едва не смело нечто крупное. Оно с невероятной скоростью пронеслось мимо него и с легкостью забралось на ствол фразана, откуда он спустился. Раздался клекот.

«Нашли!» – пронеслось в мозгу Сына Прыгуна, и он погрузился под воду.

Очень медленно вытащил он с боков два кривых ножа и осторожно вогнал их в илистое дно. После этого, распластавшись над дном, Сын Прыгуна стал осторожно двигаться прочь от фразана, с которого слез.

Звонкая трель, хотя и приглушенная водой, сотрясла Глухолесье. Ее отзвуки в виде ряби еще некоторое время звенели вдалеке, но уже не могли сокрыть сотни, тысячи всплесков, которые буквально вскипятили заливные луга Глухих лесов.

Людомар чувствовал, что повсюду мимо него движутся тела: и под водой, и над ее гладью, – везде! Колыхания воды очень ему помогали. По их волнам он без труда ориентировался между деревьями. Воздух заканчивался. Нужно было подниматься вверх, дабы вдохнуть.

Неожиданно водную толщу прорезал натяжной скрежет и быстрое перестукивание, а после этого слух людомара донес, как нечто очень большое приближается к нему. Оно двигалось именно к нему, прямо на него, не мимо, не поверх него, а к нему. Хорошо развитое чутье подсказало ему, что его заметили.

Сгруппировавшись, людомар подобно пружине выскочил из воды и, почти не останавливаясь, устремился вверх по гладкому стволу фразана. Вода вокруг ствола вдруг закипела и вздыбилась. Охотнику не пришлось прорезать себе путь. Его вышвырнуло на поверхность Глухолесья вместе с деревом.

Земля и небо стали быстро меняться местами. Свежий воздух, ядовитый пар из-под фразана, и дикий рев смешались в один тугой протяжный звук, оглушивший Сына Прыгуна. Это обстоятельство помешало ему собраться в нужный момент, поэтому он плашмя плюхнулся на кроны деревьев.

Путаясь в клоках желто-оранжевой тины и хлопьях фразанового дерева, увязая в пышности его кроны, он не сразу поднялся на ноги. Едва у него это получилось, как фразан с силой ударил его по торсу и снова подкинул вверх. Но людомар не был бы людомаром, если бы его можно было застать врасплох дважды. В очередной раз, крутясь в воздухе, он быстро выровнял свое тело и с ужасом увидел громадных размеров змея, который тянулся к нему. Из пасти чудовища струился ручейками пар

Морда чудовища расщеперила шесть щупалец сплошь утыканных присосками и клыками, размером с людомарскую голень. От змея исходил острый никогда не слышанный людомаром смрад.

Глаза хищника сфокусировались на кувыркавшемся в воздухе охотнике, пасть его разверзлась и испустила струю горячего пара. Тяжесть тела спался Сына Прыгуна. Он падал быстрее, а потом залетел за опускавшийся с небес фразан. Пар ударил по падавшему дереву и заставил крону съежиться.

Едва охотник свалился на кроны деревьев, как его снова подняло в воздух хвостом змея.

Чудовище не знало, что людомары – это самые трудноуловимые жители Великолесья. Раскинув руки и ноги в стороны, охотник слегка изменил траекторию падения, ногой оттолкнулся от одного щупальца, и, закрутившись при падении, кубарем покатился по кроне фразана и, прорезав ее, провалился внутрь.

С громким треском и оглушительным для Глухолесья всплеском он свалился в воду. На сетчатке глаза остались нижние кроны и стволы деревьев густо усыпанные гигантскими сурнами. Обоняние донесло до него их измененный запах. Никогда до того сурны так не пахли.

«Что же это?!» – с этими мыслями охотник погрузился в воду.

Прямо за ним нырнули и все ближайшие хищники.

Ориентируясь исключительно на слух и ощущения, людомар перевернулся головой к поверхности и встретил первую сурну ударом кривого ножа. Воды наполнились трескучим клекотом. Не дожидаясь его окончания, людомар схватил нож зубами так, чтобы его острие торчало перед ним, и стремительно полез вверх по стволу.

В этот момент на дерево со всей тяжестью обрушился гигантский змей. Он сложился кольцами. В их внутреннем пространстве осталось колодезобразное отверстие, из которого были вышвырнуты людомар вместе с убитой им сурной.

Охотник не на шутку испугался. Они видел, внизу больше не было мягких крон, на которые можно было бы плюхнуться безопасно для себя. Змей изломал лес, оставив под летящим людомаром лишь острия преломленных стволов. Вода кипела и не только потому, что ее баламутили сурны и змей, – нет, она кипела от того, что сделалась чрезвычайно горячей. Клубы удушливого пара поднимались вверх, отравляя воздух.

Десятки сурн, бросившихся в воду в надежде добраться до людомара, сейчас выбирались из нее, а некоторые, оказавшиеся среди переломанных фразанов, с диким клекотом перебирали лапками, варясь заживо.

Все это людомар заметил и оценил в мгновение ока. В тот же миг краем глаза он увидел пасть чудовища, тянущуюся к нему. К удивлению змея людомар не стал брыкаться, но ухватился за край его пасти, быстро перебирая руками и ногами, перебрался на голову и быстро съехал по туловищу гиганта на кольца его тела. Сын Прыгуна скоро скользил по странной чешуе змея, одновременно обнюхивая ее. Заприметив уцелевший фразан, охотник прыгнул на него.

Ствол дерева оказался поврежденным, поэтому надломился и начал падать в кипяток. Еще прыжок и иглоподобный ствол ближайшего фразана, натужно заскрипев, принял тело охотника. Еще прыжок, еще и еще. Наконец, он достиг кромки нетронутого леса. К несчастью это был лес на другой стороне места битвы. Для того чтобы достичь Чернолесья нужно было оббежать змея и проплешину Глухолесья, созданную им.

Змей снова бросился на него, а людомар, быстро перенявший способ укрываться, снова скрылся под фразаном. Прыгая со ствола на ствол, а иногда и на застывших от неожиданности сурн, пару раз едва не сорвавшись в воду, Сын Прыгуна стал петлять по Глухолесью словно заяц, преследуемый волком. В конце концов, ему удалось сбить змея со следа.

Людомар задыхался от недостатка кислорода. Его движения стали менее быстрыми. Он приказывал себе прыгать и сам же замечал, что тело исполняет команду с длительной задержкой.

Неожиданно стало очень тихо. Людомар приник к стволу фразана и тоже замер. Широко открыв рот, охотник тяжело отрывисто дышал.

Змей прислушивался.

Вскарабкавшись к кромке кроны и свежего воздуха, Сын Прыгуна осторожно прорезал отверстие размером со свою голову и глубоко вдохнул. В голове стучало от перенапряжения. О прежнем страхе не было и речи. Второй раз за свою жизнь и второй же раз после дождя он оказывался в роли добычи.

Очередной вдох замер у охотника в горле, ибо он услышал, как змей поднялся на лесом. Чудовище слышало его.

Людомар быстро скрылся под кроной и стал петлять, а потом снова высунулся над кронами. Змея не было видно. Стояла оглушительная тишина.

Отделив от пояса одну из двух коробочек, людомар свесился кверху ногами и бросил ее между стволов фразанов. С громким всплеском она ударилась о воду.

Несколько секунд тишь поглощала этот звук, а после раздался грозный рев и мощный всплеск. Змей ринулся в атаку.

Людомар быстро прорезал крону и выбрался наверх. У него было некоторое время, дабы обогнуть проплешину, сделанную чудовищем. Не теряя ни минуты, он бросился бежать.

Ветер свистел в его ушах. Воздух пьянил и бодрил одновременно. Силы прибывали, насколько могут прибывать силы в борьбе. Он уже почти добежал до переломанного змеем леса, когда снова услышал абсолютную тишь, установившуюся в Глухолесье. Охотник тут же замер.

Змей был скор. Поразительно скор. Ни разу за свою жизнь Сын Прыгуна не сталкивался с таким хищником.

Вторая коробочка была снята с пояса и запущена в воздух. Змей взбудоражил воду, а людомар помчался прочь. Как же жалел он в тот момент, что не взял с собой шмуни. С их помощью он добрался бы до крон Чернолесья за пару мгновений.

Треск от поднимаемых в воздух фразанов подсказал людомару момент, когда необходимо было скрыться под пушистыми кронами Глухолесья.

Змей был взбешен. Он стал изрыгать странные звуки, которые оглушили людомара и дезориентировали его. Дабы прийти в себя охотник остановился.

Грохот, гул и треск, влившиеся в его уши минуту спустя, показали ему, что змей каким-то неведомым образом его обнаружил. Пришлось снова петлять, но змей теперь не отставал.

Людомар снова выбрался на кроны фразанов и бросился бежать. Но змей был быстрее. Он почти настиг охотника и даже отшвырнул его в сторону вместе с деревьями, когда их обоих оглушил звериный рев.

Сын Прыгуна сразу узнал голос своего иисепа и даже увидел его на вершине одного из меков у кромки Чернолесья.

Иисеп ревел не останавливаясь. Его рык заглушал все звуки, в том числе и шаги, и биение сердца людомара, поэтому, когда охотник снова скрылся под кронами и стал передвигаться по стволам, змей быстро отстал.

От рева иисепа рябь шла по кронам фразанов и даже по водной глади.

Сын Прыгуна собрал остатки сил и быстро продвигался на голос зверя. Он не видел, что змей, замерев на несколько секунд, стал делать то же самое.

Вдруг людомар застыл. Его глаза расширились.

Все пространство, какое было видно его глазу, всю водную гладь между стволами деревьев на сотни метров вокруг покрывали тельца мертвой мошкары, сурн и пауков привычного для Глухолесья размера. Они лежали здесь давно, потому что успели растолокнеть.

Эта остановка спасла охотника. Только тут он заметил, что змей движется параллельно его курсу. Прижавшись к стволу фразана, он закрыл глаза и вдруг взмолился. Он просил Зверобога о заступничестве. Молитва часто слетала с уст охотников, но она всегда была «о добыче». В среде людомаров лишь женщины молились о защите, сами же охотники негласно считали такие молитвы недостойными себя.

Рев иисепа стих. Змей также остановился.

Куда делся иисеп? Что теперь делать? Две этих мысли молотами стучали о наковальню распаленного мозга охотника. Но, слава Зверобогу, иисеп снова огласил своим рыком Глухолесье. Только слышался он уже с несколько другой стороны.

Змей тоже заревел, и это послужило сигналом для людомара сорваться с места. Под кронами фразанов он быстро достиг кромки Чернолесья, и был в очередной раз поражен. Булькая и рыкая, создавая водовороты и бурля, вода заливных лугов Глухолесья уходила прочь по прорытым в сторону леса норам.

Охотник выбрался наружу, взобрался на ближайший мек и в изнеможении пал на его ветви.

Онеларг. Первое сражение

Когда Сын Прыгуна немного пришел в себя, то явственно услышал, как где-то далеко в лесу потоками льется вода. Он попытался подняться, но тело требовало отдыха и потому приняло на себя всю тяжесть мира.

– Р-р-рю-ю-ю! – приветствовал его иисеп, ткнувшись носом в щеку.

Охотник открыл глаза, и вяло улыбнулся своему спасителю. Несмотря на то, что глаза животного смотрели на Сына Прыгуна, уши на его голове вдвигались во все стороны, но все чаще останавливались на одном направлении – иисеп тоже слышал потоки воды в лесу.

Людомар пересилил себя и поднялся. Он повертел головой в разные стороны, разминая шею, с трудом взгромоздился на иисепа и направил его на звуки льющейся воды.

Они двигались по нижней кромке ветвей и издали заметили, как им навстречу выползает густое белесое облако. Его пушистые язычки медленно обтекали стволы и нижние части крон деревьев, поглощали кусты, проникали в самые малые щели между растениями. От тумана исходил тошнотворный запах истлевшей плоти.

Иисеп невольно остановился, но людомар направил его прямо в туман.

Шум воды превратился в отчетливый гул, похожий на чавканье мириад ненасытных ртов, и вскоре охотник достиг того места, откуда шел звук. По скату, уходившему наискось в сторону доната людомара, текли полноводные реки кипящей воды, убивая все живое на своем пути. Их не было видно глазу, но Сын Прыгуна слышал эту картину. Слышал ее и иисеп, потому что он и зарычал.

Внезапно, в ближайшем к ним склоне леса земля вздыбилась комками глины, перегноя и мха. Из нее показалась громадная пасть, пожиравшая почву. Сразу же после этого, из вновь открывшейся норы в Чернолесье хлынул поток воды.

Все новые и новые отверстия отверзались в склоне, и из них начинал хлестать кипяток. Лес съеживался под его нажимом. Деревья жалобно скрипели.

Людомар закрыл рукой нос и рот и направил иисепа на верхние ветви. Становилось понятно, что лес позади него погибнет в ближайшие дни.

Отдохнув до вечера, охотник снова приблизился к Глухому лесу, прокрался к тому месту, где оставил свое оружие и забрал его. Разбрасываться такими ценностями было не в правилах лесных жителей. Слишком дорого стоили ножи, копья и пики, да и плевательная трубка была с детства привычна охотнику. Все оружие, кроме щита, было наследством, доставшимся ему от отца.

В подавленном настроении возвращался Сын Прыгуна к своему дому. Он преодолел уже почти половину пути, когда услышал вдали множество шагов. Осторожно прокравшись на звук, он увидел людомара Светлого, Плаксу и еще около сотни дремсов, длинной цепочкой двигавшихся по лесной тропе.

Людомар поднял пику и стал бить ей о ствол дерева.

– Я хочу приблизиться, – закричал он, что было сил.

Колонна остановилась и резко повернула пики в его сторону.

– Не ошибаюсь ли я? Я слышу Сына Прыгуна, – ответили ему голосом Светлого.

– Я – Сын Прыгуна!

– Приблизься к нам. Мы дозволяем, – раздался голос одного из дремсов.

Людомар спустился на землю и, утопая во мху по самую щиколотку, приблизился к охотникам.

– Что случилось там, откуда ты идешь? – обратился к нему Светлый. – От тебя разит падалью.

– Глухолесье поглощает Черный лес. Его заполонила нечисть, о которой я ничего не знаю. Там обитают змеи, делающие воду горячей; там были сурны размером с иисепа. Я был там, и они гнали меня.

– Сколько их там?

– Бесчисленное множество. Змей, какого я никогда не видел, тоже там... Они очень сильны. Я иду прочь.

– Мы слышим неясный гул. Что это? – Светлый откинул с головы накидку и прислушался.

– Горячие воды Глухолесья изливаются в Черный лес. Гул? То стоны Чернолесья.

Охотники переглянулись.

– Нам нечего там делать, – послышались голоса. – Идем домой, братцы!

– Нет, – обернулся к ним Светлый, – мы должны идти туда и остановить убийство леса. –

Он снова повернулся к Сыну Прыгуна: – Ты видел убийцу?

– Не видел. Кто-то роет норы в земле... большие норы и оттуда Глухолесье перетекает в Черный лес.

– А змей, которого ты видел?

– Он гонялся за мной и не мог такого наделать.

– А ежели там несколько змеев...

Людомар не стал ничего отвечать, только пожал плечами.

– Если людомар не смог справиться со змеем, то нам нечего там делать, – заговорили дремсы. Сын Прыгуна согласно кивнул.

– Надо остановить воду, – сказал им старый людомар.

– Мы сваримся живьем, Светлый...

– Да хотя бы и так, – неожиданно разозлился тот. – Что с того, что так случиться?! Если мы не сделаем этого, то лес погибнет...

Донеслось: – Что ж поделаешь, эхе-хе!..

– ... и нам придется идти в смердящие ямы, жить рядом с пасмасами и холкунами, – закончил старик.

– Мы не согласны, – замотали головами дремсы.

– Продолжим же путь.

– Нет, – выступил вперед Плакса. Он, видимо, был поставлен старейшинами главным. – Светлый, ты ведешь нас на верную гибель. Заливные луга не такие уж и большие. Он убьют лишь малую часть Чернолесья. Великолесье им не убить никогда. Мы не хотим помирать за бессмыслицу.

– Бессмыслицу? – вскричал Светлый в гневе. Никто и никогда не видел старого людомара таким. Тем ужаснее был его вид. – Болваны, разве вы не видите хоть толики того, что происходит. Даже я, даже мои ослепшие глаза и те видят поболее ваших! – Он поднял свой посох и затряс им в воздухе. – Оглянитесь. Черные леса, наше родное Чернолесье вмиг наполнилось нечистью, которой никогда в ней не водилось. Омкан-хууты, гигантские древоденные змеи, пожирающие охотников, огнезмей, о котором поведал Сын Прыгуна, – разве не видите вы гибель вокруг себя?! Гибель всего того, что было привычно нам отроду! Гибель нашей души, которая заложена в этом лесе! – Он подошел к ближайшему дереву и нежно погладил его ствол. – Каждый ствол, каждая ветвь этого леса знакома нам с детства. Лес учил нас. Он охранял нас и кормил. А теперь, когда ему нужна наша помощь, вы хотите отвернуться от него? Вы говорите, он большой, его убить невозможно? Да ежели в Чернолесье станет столько змеев,

сколько пальцев у нас у всех на руках, долго ли выдержит наш лес? Нет. Нечисть переломает, передавит и пережрет все, что было нам дорого, все, что для нас важно. Плакса, ты трусливо хочешь уйти? Уходи. Но когда ты придешь в следующий раз в ту кущу, где ты встретил свою Новлу, а этой кущи не будет; когда ты увидишь вместо нее навал из переломанных стволов – как ты тогда посмотришь в глаза Новле, как тогда ты посмотришь в глаза Чернолесью?

Старик остановился. Он задышался.

– Я не трус, – сказал Плакса. – Мудрейший говорил нам: все изменяется и нечего мешать...

– Нечего мешать, когда изменения естественны, но... – старик отдышался, – откуда явилось столько нечисти? Откуда? Все, разом? Со всех сторон?! Это ли естественно?

Дремсы нахмурились.

Людомар никогда бы не подумал так, как сказал Светлый. Сын Прыгуна вдруг ясно осознал невероятную для дикой природы синхронность напастей, которые обрушились на Чернолесье. Мозаика, сокрытая на дне мутного ручья, – вот как он до того представлял себе все происходящее. И вот ручей просветлел.

– Скоро нам нечего будет есть. Смердный туман убьет все живое.

Глаза Плаксы вмиг прояснились.

– Техор, беги к нам в деревню и скажи, чтобы шли к Глухолесью по Грязной тропе. Да пусть пошлют в другие деревни – одни мы не управимся, – приказал он, и, обернувшись к Светлому, хмуρο кивнул: – Пойдем с тобой. Ты верно нам сказал.

Светлый повернулся к людомару.

– Беги к холкунам и также веди их сюда. Пусть хорошо вооружатся.

Охотнику стало жутко от того, что он снова окажется в смердящей яме, но спорить было неуместно. Он кивнул и скрылся из виду.

Людомар с тяжелым сердцем шел по ветвям деревьев. Последняя его надежда избежать столкновения с неизвестно чем, провалилась. Где-то в глубине души он надеялся на то, на что надеялись и все остальные лесные жители: Чернолесье большое, можно укрыться. Однако то, что сказал Светлый помноженное на ясный ум Сына Прыгуна – ум, выпестованный самой природой и оттого ставший умом, хотя и не проникательным, но сугубо практичным и жизненным, – все это приводило к одному единственному печальному выводу: отсидеться не удастся, надо защищаться. Уберечь лес – уберечь себя!

Несмотря на то, что природа одарила людомаров прекрасным пружинистым сильным телом, больше всего этот народец любил бездействовать. Может быть, это была больше мечта, а не образ жизни, потому что каждый людомар ежедневно имел дело с таким количеством проблем, что покой им только снился. Покоя не было, а мечта была. В жизни Сына Прыгуна она исполнилась лишь дважды. Но что это были за два раза! О, он возлежал в гамаке из сплетенных верхних ветвей мека, на самом верху его кроны и днями напролет наслаждался солнечным теплом, нежным ветром, доносившим до него разноцветие ароматов из всех уголков леса; его острый взгляд сканировал небесный свод и подмечал каждое его изменение. Он видел множество звезд, огромное количество комет, носившихся по небесам в разные стороны. Порой они закладывали такие пируэты, что дух захватывало. Несколько раз за день людомара окликала его поесть, и он лениво полз вниз, ощущая во всем теле непередаваемую негу; лениво же садился за стол; медленно ел, пережевывая хрустящее жаркое; нехотя обходил домашнее хозяйство, трепал за ухом иисепа и снова поднимался на вершину кроны и ложился в свой гамак.

Вспомнив об этом людомар невольно мечтательно улыбнулся. Каким добрым, каким приветливым был тогда Черный лес. Все его опасности крылись далеко внизу, у корней. А здесь, у донада людомаров было уютно, тепло и безопасно.

Неожиданно прямо перед охотником возник одук – похожее на шарик животное в черно-коричневую полоску. Оба от неожиданности остановились. Четверо маленьких глазок одука попеременно моргнули, и он рванулся прочь. Но, если для людомара и одука эта встреча оказалась внезапной, то иисеп, не обременённый ни мечтами, ни воспоминаниями, в мгновение ока перекрыл животному путь и с одного удара лапой прикончил его.

Внезапная встреча навела людомара на мысль: иисепа в смердящую яму не пустят, а оставлять его под стенами опасно и для него самого, и для пасмасов, любивших барахтаться в сливной яме. Значит нужно отправить его домой. И, хотя в отсутствие верного спутника нельзя будет позволить себе отвлекаться и мечтать, но оно, наверное, и к лучшему – не время!

Охота не заняла много времени. Нечисть, надвигавшаяся из глубины леса, выгоняла на его окраины большое количество зверья. Добыв еще нескольких мелких зверушек, людомар отправил иисепа домой, а сам с легким сердцем, но тяжелым предчувствием направился в город.

Онеларг, как называли его сами горожане, или Аниларг, как называли его окрестные жители-пасмасы и охотники, представлял деревянную крепость, в которой проживали несколько тысяч холкунов.

Холкуны происходили из рода олюдей, сильно походили на пасмасов, но в отличие от них были выше ростом и много сильнее. Изначально они были русоволосы, но со временем утратили исконный цвет. На этом отличительные особенности заканчивались, потому что холкуны не тряслись над чистотой крови, их не выделяли в группу изгнанных или грязных, как пасмасов, а потому они не гнушались смешивать свою кровь с кровью представителями других народов (более всего они предпочитали дремсов и брездов). Холкуны были предприимчивы, не в пример пасмасам; довольно храбры, чистоплотны и держались за свои городки, как ребенок держится за грудь матери. Они отличались домовитостью, хозяйственностью, были по-житейски хитры, но умом и широтой познания не отличались. Их городки были густо населены, но при всем при этом имели вполне пристойный вид. В каждом городе имелись свой градоначальник, небольшой совет и ополчение, вооруженное хорошего качества оружием.

Как народец они были легки в общении и веселы. Великий лес их пугал, как и все его обитатели, поэтому отдельный квартал их городков занимали всевозможные колдуны, маги и заклинатели, оберегавшие свой люд от Великолессной нечисти.

К людомарам холкуны относились настороженно, с боязливой отрешенностью и предпочитали не входить с охотниками в контакт; дремсов они уважали за силу и природную открытость; пасмасов презирали, что, однако, не мешало им активно торговать с последними и при помощи последних.

В последние века холкуны сумели связать свои городки довольно широкими трактами, по которым сновали конублы – торговцы, перевозившие караванами множество товаров.

Онеларг встречал людомара столбами пыли. По-видимому, вести о гигантских змеях, омкан-хуутах и других чудовищах уже дошли до города. Жители с усердием, присущим только холкунам, принялись обновлять высоту городского вала, частокола и небольших деревянных башенок, оскалившихся во вне заостренными кольями крыши.

Пасмасам разрешили разгрести почти доверху заваленный ров. Сотни из них с довольным гудением, словно навозные мухи копошились в кучах мусора. До сих пор их не допускали до этой импровизированной свалки, так как она имела стратегическое значение для города.

К удивлению людомара его встретили не опасливо, но с радостью, словно бы только его и ждали.

Десятки холкунов бросились к нему навстречу, едва завидев на дороге, окружили плотной толпой и потребовали новостей. Охотник растерянно мотал головой из стороны в сторону, оглушенный криками; земля зашаталась под его ногами, и он уже готов был пасть от дикого ора, когда воздух прорезало громогласное: «Ти-и-ха!»

Все холкуны мигом умолкли. Сквозь толпу протискивался высокий мужчина, покрытый довольно массивными кожаными доспехами. На голове его была надета меховая шапка, по ободу богато украшенная золотой тесьмой, плотно облегающей сиреневые кристаллы приличного размера.

Людомар без труда узнал градоначальника холкунов – холларга.

По лицу последнего был заметен большой опыт, который оставила ему жизнь и пронизательность, приходящую к холкунам с годами. Многочисленные шрамы свидетельствовали о том, что холларг пробивал свой жизненный путь лбом и лишь недавно обрел мудрость.

– Тиха! – приказал он. – Кто ты и откуда? Кончай орать, убьем его сейчас своим визгом! Не ори! – Стукнул он ближайшего горожанина справа. – Уши у него видишь? Слух у них отменный, а ты орешь! Помрет еще! – Рыкнул он слева от себя.

Только тут охотник понял, что стоит, с силой зажав руками уши. Его шатало не только от шума, но и от терпкого запаха пота и всех иных запахов, исходящих от вспотевших тел холкунов и немых тел пасмасов.

– А ну-ка, держи. – Кто-то поднял на уровень глаз людомара две смолистые затычки.

– Эт у тебя откель? – поинтересовался кто-то у доброжелателя.

– В харчевне у меня иной раз бывают такие. Берут вот это всегда.

– Ты сегодня, когда откроешься? – Разговор начал переходить в другое русло.

– Ти-и-ха! – снова приструнил народ холларг. – Отвечай, – обратился он к людомару, приходившему в себя. Затычки очень помогли.

– Я людомар, Сын Прыгуна...

– Говори громче. Чего ты там пищишь!

– Я людомар...

– Ась?

– Я людомар. Сын Прыгуна, – закричал охотник.

– Чего пришел?

– Меня прислал людомар Светлый и... Плакса... дремс, – добавил людомар, поразмыслив: а вдруг в городе никто не знает, кто такой Светлый.

– Светлый? Чего же ему надо? – Холларг придвинулся ближе.

– Он просит холкунов вооружиться и присоединиться к нему на Грязной тропе. Он и дремсы идут к Глухому лесу.

– Че мы не видели в Глухолесье? – донеслось со стороны.

– Ти-и-ха!

– Там... – начал было людомар, но холларг его перебил: – Цыц! Иди за мной.

– Эй, куда он пошел? Остановите его. Холларг, куда ты уводишь его? Мы хотим послушать.

– Идите, работайте. Нечего бездельничать, – рыком приказал им холларг, и глазами указал людомару на дорогу перед собой.

Сын Прыгуна пошел вперед.

Жилище холларга поразило людомара достатком и роскошью. Столько тканей, сколько пребывало в большой комнате, куда его ввели, людомар не видел за всю свою жизнь. Ткань самых разных расцветок, с разнообразной вышивкой, с многочисленными инкрустациями и вкраплениями висела на стенах, лежала под ногами, свисала со столов, скамей и лежаков. Даже окна комнаты были занавешены прозрачной тканью, делавшей яркий солнечный свет холоднее, но ярче.

– Садись сюда вот, – указали охотнику. Он сел. – Рассказывай, да быстрее. Не того прислал Светлый ко мне. Тюни вы все людомары, как дело до разговора доходит. Тянуть вас за язык да не вытянуть. Сбиваетесь да не договариваете. Токмо, если зная это, Светлый тебя прислал – видимо, дело совсем плохо. Ну, правду говорю или нет? Отвечай. Отвечай! Хватит зыркать по сторонам.

Людомар вздрогнул. Казалось, сами стены вздрогнули от приказа.

– В Глухом лесу появился огнезмея...

– Стой. Карыда! Кары-ыда! Вышвырни всех вон, кто уши развесил. – Холларг подождал некоторое время и приказал: – Ну, говори!

– Огнезмея появился в Глухолесье. Сурны стали большими. Вот с меня ростом стали. А вся живность под фразанами передохла. Я сам видел.

Холларг нахмурился.

– Про огнезмея расскажи. Быть такого не может, чтобы огонь он изрыгал. Не может быть такого во Владии. Но, коли так, то воля богов. Нечего противиться. Зачем Светлый это удумал?

– Я его сам видел. – И Сын Прыгуна подробно описал своего недавнего преследователя. – Огня не родит он, но там, где воды касается, вода кипит. И шипит он удушливо.

– Это как же?

– Пасть открывает, а оттуда туман горячий...

– Пар?

– Что?

– Пар.

– Туман. Обжигает он.

– Ловок ты, раз сумел от такого уйти.

– Иисеп помог мне. Иначе не ушел бы.

– Вот любят вас эти мрази... иисепы ваши. А по мне, так скотина равная огнезмею по вредительству и опасности.

Людомар промолчал.

– Сколько нас должно идти с тобой?

– Чтобы хватило норы закрыть.

– Норы? Какие норы?

– Из которых вода перетекает с Глухолесья в Черный лес.

– Так ты мне ничего об этом не рассказал.

– Я забыл.

– Тьфу, – ударил себя по ляжкам холларг. – Говори... говори же, беда лесная! Скорее говори!!!

Охотник сбивчиво рассказал все, как было, да приписал отчего-то, что теперь у кромки Редколесья можно встретить одука. Холларг пропустил последнее мимо ушей.

– В ночь поведешь нас. Ах, – он скривился так, словно в него попала стрела, – не смогу я! Холкуны всполошатся. За себя отправлю Тугута. Он незаметнее всех у меня. Ты иди, отдохни. Ох и верно! Вы ж не спите подолгу. Ну, тогда поешь, иди. Сил много надо будет. С вами и два наших хол-хола пойдут. После уж и их послушаю... до кучи...

Ночь медленно опускалась на землю. Неожиданно для себя людомар получил то, что недавно так страстно желал – покой. Он лежал на крыше дома холларга и дремал, разомлев под лучами заходившего солнца.

В животе его плескалась целая бутылка настойки, съеденный гусь и еще пол цыпленка, кусок хлеба да две запеченные луковицы.

Оружие свое он разложил вокруг себя и лениво поглаживал сталь клинков и наконечников.

После выпитого на него враз напала необъяснимая любовь ко всему миру, наплевательство на все беды и несчастья, сокрытые в гуще Чернолесья и необоримая энергия много сделать и свершить. Людомары не пили ничего, кроме воды, а потому быстро хмелели. Со столь громадной жадной действовать он удивительно легко засыпал.

– Ш-ш-рк! Крх-х-х! – зашептал кто-то недалеко от него. Сыну Прыгуна показалось, что это Веебог прошелся по деревянному покрову крыши, оглядывая свои владения, и укоризненно покачал головой, заприметив людомара в месте, ему не свойственном.

Еще до того мгновения, как проснулся, охотник понял, что за звук долетал до него; еще до того мига, как открыл глаза, бросил тело вниз по крыше и нагнал хар, медленно катившийся к краю. Схватив оружие, людомар ощутил, что крыша под ним кончилась. Извернувшись, он выгнулся дугой, а после распрямился и кончиками пальцев ухватился за край кровли. Тело охотника продолжало падение, но он остановил его, оперевшись рукой о копьё, воткнувшееся в стену. Инерция протащила его тело вперед, ударила о стену, отбросила назад и стала заваливать вбок. Отпустив крышу, Сын Прыгуна дал увлечь себя силе притяжения, ибо заприметил место, где можно было остановиться. Мягко, подобно кошке, спрыгнул он на подоконник и удержался за наличники окна. Более его тело ничто не влекло, и охотник готов был взобраться на крышу, когда увидел в окне девушку-холкунку, которая вертелась подле зеркала и улыбалась, казалось, сама себе. Тут же, впрочем, зоркие глаза охотника разглядели еще две ножки, обладательница которых была сокрыта тенью от занавеси, отделявшей кровать от остальной комнаты.

Обе девушки о чем-то оживленно спорили. Неожиданно, та, что была у зеркала, развязала тесемки на платье и обронила его к ногам. Повернувшись боком к подруге, она провела руками по бедрам, продолжая говорить, затем взяла тяжелые бутоны своих груди в ладошки, показала той, а потом скорчила недовольное личико и озабоченно отвернулась.

Людомар нахмурился. Хотя лесные охотники и слыли за недотеп, которым были ведомы лишь законы Чернолесья, но и он понимал, что подглядывание за чужими женщинами никого нигде и никогда до добра не доводило. Сделав большой прыжок, он снова оказался на крыше и занял прежнее место.

Дрема уже была готова на него навалиться, когда из-под кровли донеслись тяжелые шаги и сопение.

– Эй ты! – По крыше несколько раз стукнули словно молотом. Людомар вздрогнул и посмотрел на звук. Он увидел бюст холкуна: небольшую молодую голову на бычьей шее и мощном торсе. Холкун высовывался из люка в крыше и манил к себе охотника. – Я Тугут. Пора!

Людомар лениво потянулся и нехотя поднялся.

Они спустились по потайной лестнице прямо в подвал под домом холларга. Все помещение было забито воинами. Их кожаные доспехи, густо утыканные массивными гвоздями острием наружу, создавали впечатление, что людомар скоро возглавит толпу коричневых ежиков, рвущихся в бой.

Однако все холкуны, находившиеся здесь, выглядели чрезвычайно грозно. Их головы, покрытые мохнатыми шлемами с железными ободами, торчавшими вверх острыми пикообразными вставками, повернулись на людомара и ждали его действий.

Тугут встал рядом с охотником.

– Не греметь оружием. Не говорить. Не шептать. Тихо идти.

Он обернулся к невысокого роста служке и кивнул. Тот подвинул какой-то рычаг. Раздался щелчок такой силы, от звука которого с Сына Прыгуна слетели остатки дремы. В углу одной из стен подвала открылась небольшая дверца.

Тугут приказал охотнику идти за ним, и шепнул двум холкунам в мешковатых одеяниях: «Хол-холы, приглядывайте за ним. Абы чего...» Колдуны еле заметно кивнули.

Один за другим воины стали скрываться в черноте зева тайного хода.

Потайной тоннель вывел их за городские валы. К своему удивлению людомар увидел, что выходят они в кладовой харчевни, от которой еще совсем недавно он начал поиски эвра.

Оглядываясь в темноте, он видел, как кладовая постепенно заполняется солдатами. Раздался свист, и дверь кладовой открылась. По двое холкуны стали выходить вон, и тут же спускались в довольно глубокую сливную яму, черной прорезиной зиявшую подле харчевни.

Никогда бы до этого времени охотнику не пришло в голову, что и харчевня, и сливная яма подле нее служат каким-либо иным целям, нежели прямому своему назначению. Так или иначе, но еще луна не успел вползти на небосклон, когда весь отряд скрылся промеж кустов Редколесья.

– Держите пики во все стороны. Закрывайте проходы между деревьями. Ожидайте неожиданностей, – приказал Хугут и вытащил меч.

Людомар покосился на эту дорогую вещицу, которую он считал бесполезной игрушкой против чудовищ, которые ожидали их впереди.

Всю дорогу Сын Прыгуна думал о том, выползет ли огнезмей за пределы Глухого леса и сможет ли обитать в Чернолесье; откуда могли появиться такие крупные сурны и о том, правильно ли он сделал, что послушал Светлого. Перед его внутренним взором проходили картинка недавней борьбы в фразановом лесу. По памяти, которая у людомаров была от природы ярко-фотографическая, он восстанавливал перед внутренним взором и сурн, и огнезмея, и пытался по строению их тел, по запаху и даже по движениям предугадать повадки, найти сильные и слабые места.

Редколесье, которое всегда воспринималось людомарами и дремсами как пространство очень безопасное, прогулочное, нынче выглядело более чем угрожающе. То тут, то там в кустах, в траве или промеж деревьями мелькали тени зверей всех форм и размеров; со всех сторон доносились шорохи, шипение и рычание. Прогнанные со своих насиженных мест, звери теснились в непригодном к их общежитию месте, раздраженные и готовые идти дальше.

Людомар, как никто другой понимал, что станет происходить, если им не удастся остановить воду.

Наконец, они достигли Чернолесья и быстро пошли по Грязной тропе.

У развилки стояла покосившаяся хибара. Фасад хибары напоминал лицо набожного пасмаса, изможденного жизнью. Проемы ее окон безжизненно чернели в полумраке ночи, освещенной лунным светом и были скособочены так, словно бы дом сожалел о прожитых долгих годах.

Тяжелая поступь холкунов раздражала людомара. Ему казалось, что он движется в толпе олюдей, бьющих в большие барабаны. В конце концов, он избрал более привычный для себя путь: взобрался на вершину дерева и продолжал свой путь по ветвям.

Так они шли до полуночи.

Когда луна стала клониться к закату, до слуха людомара долетело неясное мелкое дребезжание. Словно бы Черный лес дрожал от ужаса. Иногда этот звук прерывался легким металлическим скрежетом. Нос охотника уловил странный запах, какого раньше он никогда не слышал. Несколько вдохов и листья, ветки и сами небеса слегка пошатнулись перед глазами Сына Прыгуна. Он оступился и свалился на нижнюю ветвь, больно ударившись об нее грудью.

Поспешно спустившись вниз, охотник остался ожидать подхода холкунов.

– Что? – спросил его Хугут, тревожно сдвинув брови.

– Я слышал гром оттуда, – Сын Прыгуна указал себе за спину. – Оттуда пахнет смертью.

Хугут криво усмехнулся.

– Больше ничего? – спросил он.

– Остановитесь здесь. Я сам посмотрю.

– Хорошо.

Людомар свернул с тропы и углубился в заросли. Он шел быстро. При этом все его чувства были обострены до чрезвычайности.

Внезапно в нос пахнуло кровью, запахом развеянных по ветру перьев и тухлятиной. Если где поблизости кровь, то и хищник тоже рядом, – гласит первая заповедь Дикой охоты.

Сын Прыгуна быстро взобрался на нижний ярус ветвей и продолжил путь по ним. Запах становился сильнее. Вскоре он увидел на ветвях, между ними, разглядел на земле целую стаю погибших птиц. Их трупы уже остыли, а лапки и крылья странно топорщились в стороны, словно бы они отбивались ими от небес, навалившихся и придавивших их к земле.

Приблизившись, Сын Прыгуна тщательно обнюхал падаль. Все птицы погибли от удушья. Кровью пахло от ран, которые птахи получили при падении. Значит, они погибли в полете.

Попытка подняться выше по ветвям была остановлена усилением тошнотворного запаха, от которого кружилась голова, и двоилось в глазах. Пришлось спуститься на землю. Но и там людомар не смог долго идти. Запах становился все сильнее и сильнее. А когда его вывернуло, Сын Прыгуна развернулся и бросился бежать обратно.

– Что ты увидел? – спросил его Хугут, поднимаясь на ноги.

– Ничего. Но запах не позволяет пройти. От него тяжелеет голова, и глаза почти не видят. Воин хмыкнул.

– Вонь не способна остановить холкунов. Ты слышал чудовищ?

– Нет.

– Видел их?

– Нет.

– Мы идем дальше.

Отряд снова двинулся вперед.

– Закрой вот свой носик, – насмешливо произнес один из воинов и бросил Сыну Прыгуна платок, пахнувший хлебом и чесноком.

– Странный, – сказал, походя, другой воин.

– Да все они... чуть-чуть туповаты, – сделал неожиданный вывод третий.

Не поняв насмешки, людомар надел платок, чем вызвал всеобщий дружный гогот.

– Сказал же, тугодумы! – хохотал третий воин, радуясь возможности расслабиться.

– Тихо! – прикрикнул командир, и все смолкли. – Пики в стороны! Проверить мечи. – Колонна ошетинулась иглами-пиками, укрепила бока щитами и шумно двинулась дальше.

Людомар шел последним.

Так они шли до самого рассвета.

Редкие лучики золотого света стали пробиваться сквозь крону лесных гигантов. Ухо людомара готовилось привычно насладиться пением птиц, клетотом насекомых, привычным переругиванием и распевкой просыпающегося леса.

При виде тонких солнечных нитей, спустившихся на тропу яркими пятнышками, руки холкунов невольно ослабли, а в сердцах зародилось тепло и надежда: не все только плохое и страшное виделось им отныне впереди.

Тем неожиданней был топот нескольких ног и тяжелое прерывистое дыхание, которое, казалось, вырывалось из легких самого Чернолесья. На тропе показались два дремса. Они вымокли до нитки. На их телах висели какие-то обрывки шкур, ноги были облеплены грязью. Дремсы бежали, размахивая топорами.

– Держи его! Держишь? – прохрипел один другому, смотря на второго дремса.

– Да. Руби.

Топор первого дремса поднялся вверх и рубанул воздух.

– Вот так. Посмотри, как я его. Вон еще один. Руби!

– Ты держи жежь его-то! У-у, упустил. Я сейчас... дай попробую... а ну-кась... сюда... ухватил... ухватил!!! Руби... руби же.

Снова топор со всей мощи, на которую способен дремс, обрушился в пустоту и со свистом рассек ее. Удар уже не был так точен и топор на излете поранил второго дремса.

– Он вцепился мне в ногу! – заорал тот. – Убей его. Руби! – И несчастный схватился за ногу, которую поранил ему первый дремс.

Снова поднялся топор и опустился в землю. Между тем, сам раненый вытащил из-за пояса нож и, стоная, принялся отковыривать себе икру.

– Не могу разжать, – прохрипел он. – Сильно... а-а-а... Руби же!

Дремс снова рубанул. Его топор впился в ногу товарища и срубил ее.

– Он откусил мне ногу! – закричал несчастный. – Не дай ему забрать мою ногу.

Кровь с силой хлестала из ноги на тропу.

– На грудь мне запрыгнул. Он меня душит. Я задыхаюсь. Сруби его, Тран!

Тот, которого назвали Траном, занес топор и остервенело ударил своего товарища прямо в грудь. Последний всхлипнул, закашлялся, рухнул на тропу и стал биться в конвульсиях. Тран повернул голову, следя за чем-то прямо перед собой.

– Ну... подходи! Иди... подходи! – С ловкостью присущей дремсам, он принялся орудовать топором. Оружие рассекало воздух во всех направлениях.

Зоркие глаза людомара заглянули в глаза обезумевшего и увидели, как зрачки его заволокла тинистая пелена с красными вкраплениями. Она растекалась на белки и была похожа на паука, раздавленного о глазное яблоко.

– Волчье безумие, – прошептал он, и хотел было уже броситься вперед, когда увидел, что глаза дремса остановились на отряде.

– Сколько же вас, – прорычал он и ринулся вперед. От его удара один из холкунов едва успел укрыться за щитом. Раздался грохот, и половина щита разлетелась в щепы.

Холкуны невольно подались назад.

Второй удар дремса убил наповал одного из воинов.

– Ага! – зло захохотал Тран. – Ага-а-а-а! Ха-ха... – И продолжил свое страшное дело.

– Убить его, – приказал Тугут, и его воины бросились вперед.

Тран дорого отдал свою жизнь: двое холкунов были убиты, еще двое сильно поранены прежде, чем Тугут добрался до дремса и лично срубил ему голову. Тело еще некоторое время стояло, но после свалилось на землю и забилося в диких судорогах.

Воины в ужасе смотрели на поверженного. Из его ран хлестала черная кровь.

– Что это? – пронеслось по отряду.

– Чернокровие! – с ужасом выдохнул один из воинов. – Колдовство.

Ратники отпрянули от трупа. У некоторых из них по лицам пробежали спазмы ужаса, другие были смертельно бледны. К раненым тут же подскочили хол-холы и принялись хлопотать вокруг них.

– Волчье безумие, – посмотрел на людомара Тугут, то ли спрашивая, то ли утверждая.

Сын Прыгуна на всякий случай кивнул. Это было не волчье безумие, хотя и очень похоже. Любой житель Чернолесья встречался с этим недугом. Он был страшен, но не портил кровь.

В этот момент на тропе показался еще один дремс точно в таком же состоянии, как и первые два. Его тут же забросали дротиками.

– Это и есть тот запах, который ты слышишь? – спросил Тугут, заметив, как охотник принюхивается к запахам, исходящим от трупов.

– Нет. Это не тот запах. Я слышу другое.

– В путь! – приказал Тугут и указал вперед. – Ты сможешь быть с нами? – Он посмотрел на людомара с нескрываемой надеждой.

– Больше чеснока, – сказал охотник.

– Что?

– Чеснок. Он выветривается. Я слышу сильнее.

– Да, – тут же понял Тугут. – Эй, холы, дайте чеснока.

– Вот... вот... – подскочил к людомару воин, недавно насмеявшийся над ним и называвший туповатым. На лице его не было и кровинки. Он быстро размял чеснок в ладонях и вымазал им повязку.

– Хорошо? – спросил Тугут охотника. Тот кивнул.

Не успели они пройти и сотни шагов, как прямо из леса на них вышел Плакса. Людомар сразу узнал его и с ужасом увидел его зеленовато-красные глаза.

Плакса двигался прямо, слегка покачиваясь. Воины вскинули копья.

«Нет», знаком показал дремс и приблизился к Тугуту. Он что-то ему сказал, взяв за плечи. Потом встряхнул его и снова что-то сказал. После этого отбежал, пал на колени и впился руками в землю.

«О-а-а!», вырвалось у всех, когда Плакса внезапно вытащил нож и вонзил его себе прямо в сердце. Захрипев, он повалился набок.

Тугут стоял, открыв рот, бледный и подавленный.

– Что делать будем, Тугут? – вывел его из оцепенения один из воинов.

Холкун вздрогнул и просипел: «Вперед!»

Хотя лес не позволял заглянуть далеко вглубь себя, но уже и теперь стало заметно, что Грязная тропа уводила отряд в желтоватый туман, который медленно стелился по земле. Людомара в который раз вывернуло. Даже холкуны, вот уж на что плохие нюхачи, и те стали блевать.

«Хлюп», отозвалась почва на очередной шаг охотника. Он остановился и посмотрел себе под ноги. Его ступня по щиколотку утопла в водяной жиже.

– Вода, холы, что это за вода? – разнеслось по отряду. – Не утопнуть бы.

Хугут посмотрел на людомара.

Вдруг слева раздался треск. На него мало обратили внимание. И только ухо людомара уловило, что трест тот исходит не от куста или ветки, но от нескольких кустов и многих веток.

– Не идите далее, – сказал Сын Прыгуна. – Он здесь. Приго...

Образ в мгновение ока мелькнул перед его глазами, но он не успел даже напрячь язык, как в самую середину колонны врезалась голова огнезмея, вырвав из нее клочок солдат.

Холкуны не мешкали ни секунды и сразу бросились в атаку. Один из хол-холлов воздел руки над собой. Между его ладонями сверкнула молния, но он был убит паровым шаром, которым плюнул змей. Обожженное тело колдуна отлетело в сторону, и было расплющено о ствол дерева. Второй хол-хол произнес заклинание, но огнезмей снес его хвостом, словно бы знал, кто представлял для него главную опасность.

Само чудовище явилось взорам опешивших солдат в паровом облаке, которое исходило от воды, по которой двигался змей.

Воины пытались защищаться, но людомар видел тщетность их попыток. Заметил он и то, как огнезмей обвил кольцами одно из деревьев, вырвал его с корнем и словно щеткой провел по тропе. Сын Прыгуна вмиг оказался на дереве, поэтому его лишь слегка задело ветками. После такой зачистки на тропе остались лежать десятки убитых и покалеченных холкунов. Они кричали от ужаса и от боли.

Охотник в два прыжка перебежал тропу и очутился за спиной змея. Всякий, кто охотился на хищников в Чернолесье, знает, что древоядные змеи сильны, но и у них есть слабое место – то, которым они держатся за землю. Сын Прыгуна без труда отыскал это место. Он подбежал к телу огнезмея, просунул между его чешуйками острия своей пики и с силой надавил.

Людомар отчетливо видел, что под его нажимом тело змея даже не дрогнуло. Не прошла по его телу и волна причиненной всему живому боли. Отставив копье и вытащив нож, охотник проделал ту же операцию.

Сын Прыгуна никогда не считал себя слабым, но в этот миг осознал свое бессилие перед мощью неведомого зверя. Он давил ножом в тело огнезмея столь сильно и так долго, что даже пот, что было невероятно, выступил на его лбу и висках, затекал по шее на спину.

Между тем на Грязной тропе все было кончено. Змей резким движением перекусил последнего сопротивлявшегося холкуна и отшвырнул его себе за спину. Только сейчас он почувствовал уколы в спину и повернулся.

Чернолесье оглушил дикий рев. Огнезмей почувствовал свою несостоявшуюся добычу.

Людомар со всех ног помчался прочь. Слезы наворачивались на глазах от бессилия. Хотелось выть и кричать. Кричать и плакать. Листья били охотника по лицу. Они словно прощались с ним навсегда, похлопывая на прощание. Сердце ныло и дрожало, оно пело о том, что без леса нет жизни людомару; о том, что всюду в ином месте он чужой.

Неожиданно вся сумятица в голове разом оборвалась. Людомар пробежал еще несколько шагов и остановился в недоумении. Он не знал, что заставило его сделать это. Прислушавшись, он различил густой хор звуков, состоявший из хрипа во множестве переламываемых ветвей, которому подпевал скрип стволов деревьев, гнувшихся под тяжестью огнезмея. Звук удалялся. Оказалось, что огнезмей двигается только с водой и не уходит далеко от нее.

Людомар стал принюхиваться. Не прошло и минуты, как он догадался, что заставило его остановиться. Он почувствовал запах крови, людомарской крови. Услышать запах высокого охотника в лесу всегда было удивительно, а расслышать его кровь и вовсе невероятно.

Сын Прыгуна, словно ищейка пошел по следу и в нескольких полетах стрелы от места начала своего поиска увидел клоч седых волос, торчавших словно бы из-под земли.

Это был Светлый. Он лежал без сознания. На боку его сияла большая рваная рана.

Крона дерева мерно колыхалась, рассеивая своими ветвями теплые ручейки предзакатного воздуха. Он, казалось, был насквозь пропитан ароматами цветущего Чернолесья и прогрет лучами весеннего солнца. Густой, терпкий аромат невидимыми клубами поднимался над лесом и медленно плыл то в одну, то в другую сторону, полностью подчиненный капризам ветра.

Ветры долетали в Чернолесье с двух сторон: холодные ветры приходили из Доувенского Загорья – из владений Хладного короля, владетеля тьмы, холода и льда – Холведа, теплые – со стороны Великих вод, из владений Моробога. Подобно коннице белесые струи воздуха неслись по склонам Доувенских гор, набирая скорость, а после и вовсе срывались в бешеный галоп, стискиваемые скальными ущельями, и, оказавшись на равнине Чернолесья, с гиком и гаком хладное войско устремлялось на равнину, предавая ее морозному опустошению. Ветер

Великих вод был любим обитателями Великолесья больше, потому что вместе с ним приходила весна, становилось тепло и даже Редколесье наполнялось множеством дичи.

Иисеп, как и всякий коренной обитатель Чернолесья, предпочитал движению бездействию. Его обоняние доносило ему все вести, какие он смог бы получить, кружа по округе. Это прелестное качество прирожденного охотника, экономившее много сил, использовалось даже во время сна. Иисеп дремал, расположившись, частью в гамаке хозяина, частью на ветке. Его удивительно устроенное тело могло замирать в любой позе, словно бы сделанное из пластилина. Вот и сейчас, погружаясь в сон, иисеп провисал животом вниз.

Его уши привычно прослушивали пространство, а нос его пронюхивал. Надбровные валики зверя преспокойно расползлись в разные стороны от переносицы.

Солнце садилось за горизонтом зеленого листовенного моря. Облака, окрашенные во все оттенки красного, подобно утятам, неуклюже, еле поспевая, неслись вслед за ним, лениво передвигая смешными хвостиками.

Густо перемешанный компот из запахов вливался в нос иисепа. Вдруг его права бровь дрогнула и ожила. Зверь уснул, но эта бровь, словно шаловливый ребенок, дождавшийся, когда родители оставят его одного, вскочила и стала расхаживать взад и вперед. Наконец, она замерла у переносицы и, по всей видимости, окликнула подругу.

Вторая бровь также дернулась и тут же рванула к переносице. Обе о чем-то пошептались. Их нервозность передалась ушам. Уши больше не помахивали сами собой в разные стороны, они насторожились и оба повернулись в противоположную от солнца сторону.

Иисеп подпрыгнул и принял стойку, сам до конца не осознавая, что с ним делают его инстинкты. Полу открыв сморенные дремой глаза, он непонимающим взглядом глядел вверх крон.

Но вот и глаза зверя широко открылись. Он резко выбросил челюсть далеко вперед и спрыгнул в листву.

Иисеп мчался что было духу. Его дыхание, с хрипом вырывавшееся из груди, выдавало возраст. Да, иисеп был уже не молод, однако он был в неплохой форме.

Ветви, листва, стволы деревьев и лианы мелькали под его лапами. Он словно не бежал по верхотуре, а шел по тропе, настолько уверенно и ловко перепрыгивал с ветки на ветку.

Теперь его слух уже отчетливо различал тяжелое дыхание двоих и угрожающие рыки большого количества невидимых ему животных.

Еще несколько прыжков и он очутился в невероятном клубке, состоявшем из переплетенных лиан, втащенных наверх кустов и поломанных веток. Это было лежбище древоедной змеи, только невообразимых размеров, ибо этого лежбища хватило на то, чтобы на нем уместились сразу пятеро довольно крупных хищников.

Двумя из них были Сын Прыгуна и Светлый. Последний полулежал, с трудом опираясь на людомарскую пику и прикрывал ею, а также щитом спину Сына Прыгуна, отражавшего атаки гигантских сурн, высунувших из-за веток сразу четыре морды.

Людомар выглядел чрезвычайно уставшим. Его одежда была изорвана, выпачкана в грязи и в крови. Он вонял так, как не воняет даже тысяча людомаров.

Не останавливая бег ни на мгновение, иисеп без страха врубился в толпу сурн. Несмотря на то, что это были аномально большие сурны, иисеп тут же сбил двух из них с ветки, а третью схватил за ногу и резким движением перевернул на спину.

Пятая и шестая сурны, прилипшие к стволу дерева, с диким визгом бросились на неожиданного визитера. Иисеп просел под их налетом и едва не сорвался с ветки, однако его хозяин быстро оценил ситуацию и тут же атаковал замешкавшихся хищников. Одна из сурн поле-

тела вниз с распоротым боком, а вторая ощерилась небольшими кожными иглами и бросилась в сторону, заметив прыжок людомара. Противостояние продолжалось недолго: людомар отвлек внимание зверя рукой, но удар нанес ногой. Животное потеряло равновесие и повисло на передних лапах. Они разжались, едва кинжал вонзился в горло сурны.

Еще прыжок и Сын Прыгуна очутился под иисепом, который челюстью душил одну сурну, вторую подмял лапой, а третьей терпеливо позволял рвать свою шкуру.

Удар кинжала и три сурны свалились замертво.

– Отпусти ее, она подохла, – улыбнулся измученно людомар, поглаживая иисепа. Тот недоверчиво смотрел себе под нос на безвольно обвисшую противницу.

– Людомар, – тихо позвал Светлый, – приди ко мне.

– Многоликий разгневался на нас.

– За что?

– То неизвестно. Но кара это есть. Таких тварей отродясь леса не порождали, как не возможно муравью породить омкана. Все соразмерно, все... Когда песчинка рождает бурю, когда капля разрождается наводнением – нет в этом причины, но лишь воля богов.

– Почему он ополчился на нас?

– Я не знаю. Но у нас теперь с ним нет мира. У нас война. А потому все вокруг нас будет меняться. Оно уже начало... далее будет только сильнее, страшнее...

– Ты хочешь воевать с богами. С Владыкой из Синих Равнин и с Зверобогом Великолесья?

– Слышишь ли ты меня? – Светлый поморщился от боли. – Зверобог и Владыка оставили Чернолесье. Многоликий поставил нам других богов. Они победили наших богов.

– Мы не сможем драться с богами, – людомар смотрел на старика как на умалишенного. – Мы можем уйти. Мы должны уйти вслед за нашими богами, людомар.

– Кхе-кхе-кхе! – то ли закашлялся, то ли засмеялся Светлый. – Про то я говорил тебе еще на Грязной тропе. Нам некуда идти, Сын Прыгуна. Дремсы могут затеряться в смердящих ямах, но мы всегда будем иными среди олюдей. Мы подобны пасмасам, только стоим с другой стороны, – Светлый склонил голову и натужно улыбнулся.

– Не тревожь себя разговором, – подошла к ним людомара. Она держала в руках разрезанный вдоль стебель. Приложив его к ране, она стала дуть на легкий дымок, который пошел от плоти старого людомара. – Ты еще не скоро сможешь идти. Можно, – кивнула она Сыну Прыгуна. Тот стал вытаскивать из одной из коробочек муравьев размером с мизинец, будить их от дремы и прикладывать их головы к ране старика. Челюсти маленьких хищников тут же сжимались, придавливая края раны друг к другу.

– Ох, – протянул Светлый.

– Не помогло? – удивился людомар. Он вытащил из второй коробочки нескольких крупных насекомых похожих на клещей. Поднеся их к краям раны, людомар дал им возможность впиться своими хоботками в тело старика.

– Меньше болит. Хватит, – прохрипел тот. – Нужно собрать всех людомаров и увести их прочь их Чернолесья.

Если бы в этот момент мек, на котором Сын Прыгуна проживал последние несколько десятков снегов, рухнул, подобный случай потряс бы его намного меньше, чем слова старика.

– Людомары никогда не покинут Чернолесье, ты это знаешь, – нахмурился он. – И не проси нас об этом. Мы...

– Я не прошу, я буду требовать... приказывать, если придется.

– В Черных лесах живут наши души. Как можем мы обойтись без душ. Этот мек для меня дороже всего. Как смогу я его оставить здесь? Кто будет охранять лес? Очищать его? Омкан-хууты, огнезмей и другая нечисть никогда не изведут нас, и ты знаешь это.

– Это только начало, мальчик мой, – старик улыбнулся побелевшими губами. В глазах его стояли слезы. – Все, что мы видели – это только начало.

– Оставь ему силу, – подошла людомара. Она дала старику настой. Тот поморщился:

– Что там так гремит? – Неожиданно лицо его вытянулось. – Пасмас?!

– Лоова проснулась, – спокойно сказала людомара. – Она не увидит тебя.

– Ты хочешь уберечься от огнезмея и омкан-хуута, и от сурн, когда водишь с собой пасмаса? – Светлый был искренне поражен. – Ты говорил мне, что отдашь детеныша холкунам или дремсам.

– Не поспеваю я, – признался Сын Прыгуна.

– Разве не видишь, что это знак! – старик нервно приподнялся. – Пасмасского детеныша привязали к тебе... это знак.

– Какой знак? Я отнесу его обратно в деревню...

– Нет. Боги сказали тебе, что в Чернолесье ты отныне... мы все отныне, как пасмасы. Мы громкие... тише нас появились... они тише нас...

– Я передвигаюсь неслышно.

– Раньше. То было раньше. А теперь все другое. Они другие, а мы прежние. И нам нет здесь места.

– Огнезмей не сумел меня поймать.

– Ранее змеи никогда не охотились на людомаров.

С этим было сложно поспорить.

– Нам некуда идти, Светлый. Смердящие ямы не примут нас. Олюди не любят нас, хотя мы с ними одинаковы по крови.

– Подземные леса, – прошептал старик, – подземные леса.

– Это легенда.

– Нет, – вскричал Светлый. – Это не так. Это не может быть так, когда такое творится!

– Их никто...

– Мы их найдем. Только это спасет нас от полного истребления.

– Многоликий сокрыл их от взглядов наших. Отец говорил, что никому их не отыскать.

– Он не знал всего. Легенда о подземных лесах говорит о том, что они будут скрыты до тех пор, пока не настанет время им снова возрасти. Время пришло!

Старик снова приподнялся и приказал людомару запоминать. Он проговорил названия двух десятков трав, камней и животных, которых Сын Прыгуна должен был раздобыть.

На выходе от Светлого, Сын Прыгуна неожиданно для себя оказался в руках Лоовы. Девочка лучезарно улыбалась. Она устроила засаду на него и поймала, едва его шея оказалась в зоне ее досягаемости.

Удивительно, но почувствовав себя в ее объятиях, ощущая кожей толчки бьющегося сердца ребенка, ее теплые ручки, Сын Прыгуна вдруг понял, что не сможет отдать ее от себя. Поняв это, он преисполнился невероятной решимости. Опасность угрожает всем им – внезапно он осознал всю ее серьезность. Медлить нельзя. С этого момента, с вот этих самых объятий его прежняя жизнь навсегда растворяется в прошлом. Его мысли, его желания, его чаяния – все должно измениться, все должно быть подчинено только выживанию. Теперь он сам для себя почти перестал что-то значить. С этого момента он стал орудием, он стал оружием, с помощью которого теплые неумелые и слабые ручки Лоовы будут защищать ее от всех напастей.

Людомара плакала. Раньше ее слезы бы испортили Сыну Прыгуна целый день. Он много думал бы о них, переживал. Но с недавних пор все круто изменилось. Мир, который он знал с детства, перестал существовать. Новый мир, Чернолесье без людомаров, не представлялся больше чем-то утрене свежим, по дневному насыщенным, по вечернему теплым и уютным. Чернолесье без людомаров стало местом плача, местом смерти и постоянной темной ночи.

Людомара плакала. Ее слезы не смущали Сына Прыгуна. Каплей больше, каплей меньше. В том потоке слез, который вскоре обрушится на всех них, эти несколько слезинок не представляли большой ценности.

Старик уходил от них по нижней кромке ветвей. Его рана была плотно перебинтована. Он шел не оглядываясь. Он торопился.

Сын Прыгуна собрал все, что нужно было старику, а людомара, всхлипывая, приготовила напиток, который в Чернолесье называли каплей жизни. Настой собирал все силы, которые оставались в теле в один мощный комок энергии. Его хватало на несколько дней. После этого несчастный умирал.

Шкуры, в которые был одет Светлый, быстро затерялись среди листвы. Шорох его шагов еще долгое время долетал до слуха Сына Прыгуна. Неожиданно людомар понял, что то небольшое, что связывает его и всех людомаров со старым Чернолесьем и есть Светлый. Охотник остро почувствовал параллели между состоянием леса и состоянием самого старого представителя из его народа.

Лес не выстоит без людомаров, подумалось Сыну Прыгуна, но выстоят ли людомары без леса?

Боорбрезд. Доранд

Пир был в самом разгаре. Дробно гремели барабаны, играли дудки, перестукивали своими палочками рикоты – самый любимый брездами инструмент. Посреди зала шла бешеная пляска, от которой ближайшая мебель подскакивала на добрую половину ладони, а от посуды шел такой грохот и звон, что могло показаться, словно бы по ней лупили, что есть мочи, невидимые музыканты.

Обстановка была самая что ни на есть раскрепощенная. Вино лилось рекой настолько же широкой, как и та, что протекала сквозь стены замка и через каждые несколько мгновений принимала в себя отходы пира: то обглоданные кости, то поломанные деревянные доски, а иной раз и дико орущего участника пира, проспорившему кому-либо что-либо.

Луна устало смотрела с небес на эту каждодневную вакханалию и печально ополаскивала в воде реки свои лучи-длани, которыми мгновение назад обласкивала потную лысину кого-либо из гостей.

Свечение кристаллов, воткнутых в искуснейшим образом выполненные подставки, освещало все действие и лицо того, кто сидел во главе столов, стоявших кругом вдоль стен залы.

Сидевший широко, но бессмысленно улыбался; таратил глаза то на танцующих женщин, трясущих своими соблазнительными телесами, то на свет кристаллов, то на луну, часть которой он видел в окне напротив себя.

Нельзя сказать, что пиршество возглавлял олюдь уродливый, но и красавцем его однозначно нельзя было назвать.

Брезды вообще производили весьма разностороннее впечатление на тех, кто их видел впервые. В их народе, как ни в одном другом осталось заметно перемешивание кровей, которым брезды никогда не брезговали. Представители их народа нравились и олюдям (пасмасам, людомарам, дремсам, холкунам, эврам и саарарам), и грирникам. Были среди брездов и яркие великаны, способные с одного удара уложить разом нескольких дремсов, были и чер-

новополосые стройные ловкачи высокого роста, лазившие по деревьям не хуже людомаров, были и беловолосые пройдохи, промышлявшие стрелковой охотой и наемничеством, с одной стороны, но и занимавшие высокие посты среди магов, с другой.

Брезды были самыми развитыми на Синих Равнинах. Они держали в своих руках производство лучшего оружия, контролировали почти все торговые пути через свои земли, и не давали ордам каннибалов-грирников и разбойникам саарарам проникнуть на Великое Прибрежье со стороны Подводного перехода, что у Десницы Владыки. Они же держали контроль над Синею Тропой – одной из двух безопасных дорог, которая вела от Прибрежья через Синие Равнины, Черный лес к предгорьям Доувенских гор.

Несмотря на свою силу, брезды отличались беспокойным нравом, перемешанным с повышенным чувством собственного достоинства. Именно поэтому не прошло и сотни лет с момента их появления, когда этот сильный и воинственный народ начал раскалываться на множество осколков.

Так появились брезды-великаны, брезды-плюгавые, брезды-белые и брезды-короткие. Народцы получились разные, но роднили их бороды – большие квадратные бороды, которые произрастали на их подбородках и за которыми любой брезд ухаживал не хуже, а то и лучше, нежели чем за собственным боевым груххом. Носили они и усы, при этом усы своими концами должны были ложиться на грудь ровно до начала живота. Брезды завивали усы в особые косички и по ним определяли ранги и чины.

Во Владии почти все мужчины, за исключением людомаров, грирников и эвров, носили бороды. Эвры ее брили, а у людомаров и грирников она просто не росла. У холкунов была короткая, шириной с два пальца поросль, которую прилежно завивали в аккуратные кудряшки (усов холкуны не носили); пасмасы носили все: и усы, и бороды, но содержали их в таком беспорядке, что даже появилась присказка «дело, запутанное, как борода пасмаса»; саарары носили длинные усы, а бороды их были прикрыты богато вышитыми мешочками, которые призывались к голове; реотвы носили короткие усы и очень короткие бороды.

Брезд, занимавший почетное место во главе пиршества прозывался на Синих Равнинах Глыбыром. Он происходил из породы брездов-великанов, был не менее восьми локтей ростом, четырех локтей в плечах и с такими мощными и длинными руками, какими можно было без труда валить деревья. Этим он, кстати, занимался многие годы до тех пор, пока его не выбрали боором – правителем брездов, но прошлое оставалось в его прозвище – Древолом.

Мало кто бы смог сказать, глядя на него, сидящего во главе пиршества, что он очень не доволен собой. Между тем, это было именно так. Глыбыр в который раз давал себе клятву не напиваться до «остановки глаз», и в который раз ее нарушал. Ему очень не нравилось то состояние, в которое он всегда впадал, когда перепивал. Его глаза, вдруг, становились очень тяжелыми. Такими тяжелыми, словно бы это были не глаза, а пни столетних сизых дубов, которыми очень славилась местность вокруг замка.

Вот и теперь, перепив, он сидел и хмуро смотрел на луну. Ему совершенно не хотелось на нее смотреть, но именно на ней его взгляд вошел в цикл «остановки глаз».

– Шта-а мне эта луна? – медленно перемалывал он языком свои мысли. – Пляшут. Туда надо смотреть.

Он еще и потому не любил это состояние, что становился чрезвычайным остолопом. Именно так он себя и называл. Называл, не обижаясь, ибо всегда считал себя не очень умным. Иногда, ему казалось, что именно за это его и выбрали боором, хотя это было не так. Его выбрали за честность и удивительную неподатливость неге власти. Вот уже пять снегов прошло с тех пор, как он въехал в главную башню Боорбрезда – главного замка брездов, но так и не стал до конца королем. Ему были чужды спесь и капризы; как и прежде, он любил есть простую еду и говорил с подданными, как с равными.

– Шта-а ты на меня... меня вылупила-а-ась? – просил он луну, и тут же внутренний голос сказал ему: «П...п...перестань говорить на луну!» Он усмехнулся, не перестану. – Шта-а ты вылезла? Брысь вон!

Он не заметил, как раздавил рукой деревянную кружку. Вино из нее бурным потоком устремилось до его локтя, а с него водопадом опало на ляжки и пол.

– Мокро, – донес он сам до себя и разозлился. – А ну-у, пусти меня! – пробурчал он луне с трудом поднимаясь.

Он не ожидал, но луна напоследок лучом из-за кромки окна так приложила его между глаз, что он потерял равновесие и груздем повалился на пол к еще нескольким десяткам таких же, как он сраженных наповал.

Ни он, ни кто другой кроме стражи не услышали в тот момент, что в ворота замка глухо постучали.

Замок Боорбрезд возвышался над Немой лощиной подобно скале. Боорбрезд был первым местом, где поселились брезды много веков назад. Они не зря выбрали это место для своего проживания. Немая лощина по праву носила свое имя. Редки были случаи, когда ее можно было без труда разглядеть полностью. Даже в самый яркий солнечный день по дну лощины стелился туман.

Только истинные брезды находили это место милым их сердцу. Почти все они считали его живописным. Все остальные жители Синих равнин старались не заглядывать в эту глушь, затертую между высокими скалами Боорбогских гор и пологими холмами, отделявшими Десницу Владыки – полуостров, уходивший от Владии на запад – от Синих равнин.

Для тех, кто никогда не был в лощине, она не представляла, на первый взгляд, никакой опасности. Путь в обиталище брездов пролегал по галечному берегу Брездских вод или в простонародье Синего языка – широкой полноводной реки, несущей свои воды из Пасти Боорбогских гор, разделённых Немой лощиной с севера на юг. Лощина претворяла собой вход в Долину Брездов – исконную вотчину гигантов. Именно ее и защищал замок Боорбрезд.

Со стороны замок не походил на укрепление, которые можно было встретить во всех направлениях от Боорбогских гор. Он представлял собой чрезвычайно высокую и толстую стену, сложенную из валунов, скрепленных раствором, состав которого был известен только брездам-гигантам. Стена взбегала от подошвы по отлогим склонам холмов и крепилась обоими концами в стены скал, сделав их своими естественными башнями. В стене, как и в скалах, было устроено множество помещений – целый город жил внутри. Со временем брезды обжили помещения не только внутри стены, но и саму ее вершину, выстроив на ней целую городскую улицу, увенчанную изысканного вида дворцом, сооруженным мастерами-холкунами. Эта главная улица тянулась на много полетов стрел от одной горы к другой и была излюбленным местом прогулок горожан, живших в Брездской долине.

В отличие от подножия, вершина стены была открыта всем ветрам и не ощущала недостатка в солнечном свете. Оттуда, с вершины взгляд наблюдателя всякий раз падал и увязал в клубах тумана, который, частично, поднимался из реки, частично, пригонялся в лощину равнинными ветрами. От этого, казалось, что крепость-стена защищает долину не только от опасностей равнин и Чернолесья, но и от тумана, ибо он бился о стену, как волны океана бьются о берег. Лишь в одном месте туман мог просочиться в долину – там, где находилась арка, дававшая проход водам реки, протекавшей из долины в лощину. Арка с двух сторон была огорожена массивными железными решетками.

Брезды-гиганты вместе с белыми брездами властвовали над Синими равнинами. Много веков прошло с тех пор, как они вместе с холкунами отбили их у саараров и грирников, выгнав

последних на Десницу Владыки – полуостров на северо-западе Владии. Брезды не стали преследовать своих врагов, зная, что Десница Владыки окружена морем, пустынна и плохо обжита. Брезды понадеялись на то, что их враги перемрут от голода. Однако этого не произошло. Саарары приспособились жить в оазисах Десницы, а грирники приучились есть саараров и иную живность, на которую они охотились, доходя до самых Боорбогских гор.

Никто не знал, когда саарары и грирники нашли Подводный переход с Десницы в Темные земли на другом краю Великих вод. На некоторое время они перестали беспокоить равнины, и память о них почти совсем выветрилась из голов жителей Синих Равнин, но с недавних пор дальние разъезды брездов стали доносить об ордах саараров, хлынувших из-за Великих вод на земли Десницы.

Белые брезды – беллеры – были сильно обеспокоены этими новостями и разнесли по равнинам весть о великом сборе всех своих сил. Со всех сторон стали стекаться отряды холкунов, брездов-гигантов и пасмасов. Собиралось внушительных размеров воинство, готовое в любой момент выступить в поход. Всякий раз, когда приходили новые отряды, брезды устраивали пир. Приветствия, взаимные похвалы и братание придавали этому мероприятию невообразимый задор, который, впрочем, быстро проходил. Те, кто находился в Боорбрезде уже много дней, начинали беспокоиться о своем бездействии.

Долина Брездов была сплошь покрыта массивными, но приземистыми кожаными палатками воинов. Всюду и всегда доносился гомон, гогот и звон оружия. Обучение войск шло безостановочно.

Наконец, черные маги – чернецы – определили лучшее время для выхода в Десницу Владыки. Едва лагерь узнал, что вскоре будет дело, как воины пришли в такое ликование, что мигом выпили весь запас кислого брездского вина. Пили вдвое больше, чем могли выпить в обычные дни, ибо Глыбыр предупредил воинов, что в походе пить не позволит.

В вечер последнего дня перед выходом воинства в ворота замка-стены постучали.

– Кта-а?

– Открывай. Я Ардан, сын Надана, холларг из Онеларга.

– Почему ты пришел? Тебя звали?

– Нет. Мне нужно говорить с боором. Я пришел не один.

– Тогда все предстаньте перед нами. Не скрывайтесь в тумане.

К воротам из сизой пелены выступили еще несколько фигур.

– Пусть каждый назовет себя или мы вас не пустим.

Каждый из вышедших из тумана назвал себя.

– Почему тот... вон тот с краю не называет себя?

– Он назвал.

– Мы не слышали.

– Он сказал...

– Пусть сам говорит.

– Я Сын Прыгуна. Людомар.

Наступило молчание.

Ожидание длилось достаточно долго. Тем неожиданной и громче был скрежет, известивший путников о том, что ворота открываются.

Из-за створок к ним выдвинулся целый отряд воинов. Их рост был огромен. Даже людомар, возвышавшийся над холкунами на голову, казался коротышкой в сравнении с вышедшими брездами.

– Я впервые вижу их. Гиганты, и впрямь! – прошептал один из холкунов.

- Назови себя еще раз.
- Ардан, холларг из Онеларга.
- Следуй за нами, холларг из Онеларга.

Они вошли в ворота, которые охраняли только две стены, накрытые хлипенькой крышей и лестницу, поднимавшуюся на высоту десяти локтей. Лестница упиралась в ворота еще более мощные, чем были первые. За вторыми вратами, ведущими внутрь стены, показались третьи. Как и вторые ворота над первыми третьи нависали над вторыми на высоте шести локтей и были хорошо укреплены.

Холкуны восторженно смотрели по сторонам. Редко приходилось им видеть такую мощь.

Кристаллы света тускло мерцали в кромешной тьме, но были достаточно сильны, чтобы глаз мог заметить путь, по которому идти.

Людомар не замечал ни мощи крепости, ни ее суровой красоты. Он с трудом дышал, так как вонь, в которую он шагнул, была непереносима. Судорожно порывшись у себя в карманах, он выудил из одного из них кусок плотной материи и накрутил себе на лицо, оставив только глаза. Покинув лес, он всякий раз клял себя за то, что боги одарили его таким обонянием.

Лестничные пролеты чередовались с веревочными лифтами и подъемниками, прерывавшими путь наверх. Пришельцы проходили мимо узких окон-бойниц, в которых горел свет, и слышались пьяные вопли и песни.

Никто из путников не смог бы сказать, сколько времени они шли. Но, наконец, им в лицо дхнул прохладой свежий горный ветер, и луна заиграла серебром на крышах домов.

– Будете ждать до утра. Боорбрезд сейчас спит, – сказал начальник стражи, вышедший им навстречу из небольшого строения прямо у лестницы. – Располагайтесь вон там. – Он указал на угол одного из домов. – Еду вам принесут утром. Тогда же будет разговор.

Утро наступило стремительно.

Людомар внутренним чутьем уловил солнечный свет, упавший на крыши домов. Ему показалось, что он проснулся очень быстро. Но когда он открыл глаза, солнце заливало своими лучами уже не только крыши, но и стены домов.

Небольшие облака, облюбовавшие себе вершины Боорбогских гор на ночлег, резво разбегались в стороны, словно нашкодившая ребятня, и прятались от дневного света в ущельях, лощинах и небольших долинах. Подобно ватаге резвых мальчишек они мчались промеж скалистых вершин, цепляясь за них отворотами и подолами своих полупрозрачных одеяний.

Как часто случалось Сыну Прыгуна наблюдать подобное же с вершины своего мека. Тогда спокойствие нападало на Великолесье. Ночной ветерок стихал окончательно, и вся природа замирала в ожидании тепла. Выпадала роса. Ее капли стекали с верхних частей крон на нижние, и если не знать про это, то у корней деревьев Черного леса могло показаться, что пошел дождь.

Людомар зевнув, раскрыл свою накидку и, пожившись, поднялся на ноги.

Темный угол здания не был гостеприимен к ним, но жители Редколесья, а тем более Чернолесья и не привыкли к тому, что жизнь всюду приготовила им удобства. Довольствовались тем, что есть.

Сын Прыгуна огляделся. Улица была пуста.

В несколько прыжков он оказался на крыше дома, угол которого был облюбован ими на ночь.

Едва охотник оказался на крыше и огляделся, его дыхание сбилось. Никогда до того он не пребывал на такой высоте. На несколько мгновений ему показалось, что он птица и парит высоко в небесной синеве.

Под его ногами простиралась громадных размеров живописная панорама. Ее необычность сразу же бросалась в глаза. Оттенки ярко-зеленого и -синего соседствовали с чернотой увядания и вечной смерти; налитые жизнью стебли, ветви и стволы растений через какие-то несколько шагов переходили в высохшие скрючившиеся как у старухи изломанные линии погибших деревьев, кустов и трав, которым не посчастливилось оказаться на пути у тумана, который ночью поднимался от реки вверх по склонам гор. Тысячелетние скалы, упирившиеся своими вершинами в самую суть небосклона, покоились на сочно-зеленых холмах, пологие склоны сбегали вниз к самой реке и на подходе к ней теряли свою жизненную силу и красоту. Там, где зелень соприкасалась с вечным туманом Немой лощины, жизнь прекращалась. Зелено-синие цвета тускнели и превращались в коричнево-черные.

Людомара невольно передернуло, когда вспомнилось, как они шли вдоль Синего языка, утопая в смердящей пелене, и видели вокруг себя лишь только пожухлость и смерть. Теперь он видел, что в каких-нибудь ста шагах от их тропы буйствовала растительность, пели птицы, и кипела жизнь. Эти воспоминания, наложенные на то, что он видел сейчас и дарили то необыкновенное чувство контрастности, появившееся при первом же взгляде на лощину.

Он обернулся и посмотрел на Долину Брездов, ожидая увидеть примерно такое же зрелище.

– Людомар, – позвали снизу, – где ты есть?

Сын Прыгуна вздрогнул и поспешно засунул себе в уши пробки. Повязку с лица он так и не снял.

– Я здесь. – Он спрыгнул вниз.

– Что ты там делал? – спросил начальник стражи и подозрительно покосился на него.

– Я смотрел... кх... кхе... – Охотник закашлялся. С утра было очень тяжело кричать.

– Куда смотрел? Что ты хотел увидеть?

Сын Прыгуна рассказал.

Начальник стражи криво усмехнулся, утратил к нему интерес и приказал следовать за ним.

Через некоторое время они вошли во дворец и тут же попали в изумительной красоты залу, где на троне, вырезанном из прозрачного красно-зеленого камня восседал великан брезд. Он строго посмотрел на вошедших.

– Зачем пришли и что надо? – просил он.

– Я холларг из Онеларга, – выступил вперед старый холкун. – Мы принесли тебе тревожные вести.

Великан расхохотался.

– Иных вестей в последнее время и не получаем. Как сказали нам беллеры, мир изменчив и каждый новый вздох уже не тот, что был прежде. Глубокомысленно, а?

Пришедшие молчали, с трудом переваривая слова боора.

– Говорите же, – приказал тот.

– Из Черного леса дурные вести...

– Знаю-знаю, – отмахнулся тот. – Омкан-хууты досаждают вам. Но я отвечу вам так же, как отвечал и тем, что приходили сюда не так давно. Они тоже оттуда. Дремсы. Вы разучились охотиться и драться, и в этом мы вам не помощники. Я не могу приказать своим воинам гоняться за этими зверушками по всему Чернолесью. Что у вас еще? Если это все, идите.

– Мы пришли говорить тебе о гигантских сурнах и огнезмеях. Мы хотим рассказать о Глухолесье. Оно разлилось и убивает Черный лес. Леса наполнились чудовищами, которых никто из нас и из наших предков никогда не встречал.

– Если ты не слышал, холларг, я повторяю: не приходите ко мне, коли разучились драться. А ежели так, то холкуны, как я слышал, бережливые. У вас есть рочиропсы. Наймите на них кого-нибудь из рипсов. Пусть эти презренные наемники сделают за вас вашу работу. Огнез-

меи, – боор задумался, – про них не слышал, но что с того. Владия неподвластна огню. Чего ей от огнезмеев сделается?!

– У нас не так много рочиропсов, боор. И мы не сможем нанять брездов, но не потому, что не готовы. Даже вы не управитесь с этой нечистью.

Боор скривил губы.

– В прошлую большую луну я отправил в Чернолесье, по Грязной тропе, больше сотни своих воинов. Огнезмей убил их всех. Мы привели к тебе свидетеля.

Людомара вытолкнули вперед. Боор с интересом оглядел фигуру с затычками в ушах и повязкой на лице.

– Вы говорите, что он убил всех. Как же это? Вот этот сухопарый-то жив! – Боор снова загоготал. Венки на его лице вздыбились от натуги и грозили лопнуть.

– Примолкни! – Все находившиеся в зале вздрогнули от глухого рыка, отрывком разлетевшегося под сводами помещения. Из-за каменного трона под свет солнечных лучей шагнул гигант еще более высокого роста. Его лицо было помятым и недовольным, а большой выпуклый лоб носил следы лежания на полу, сохранив на себе четкий отпечаток каменной кладки.

Холларг, людомар и все пришедшие с ними замерли в недоумении.

Боор и вправду осекся, и смущенно сполз с трона. Его занял вновь вошедший.

– Я Глыбыр, боор брездов долины, лощины и Синих Равнин; господин Великолесья, обеих Холкуний и Пасмасий; владыка Великого Прибрежья и Великих вод, – представился он к холкунам. – Комт, – обернулся он на бывшего боора, – присмотри за воинами. Когда Владыка взберется на Престольную гору, мы должны выйти. – Он поворотил свое лицо к просителям: – Что такое огнезмей? Опишите его.

Холларг неожиданно для всех смешался и подтолкнул к трону Сына Прыгуна.

– Людомар?! – искренне удивился Глыбыр. – Подойди ближе. Я знаю, что ты говоришь очень тихо. Подойди же. Хм... Я никогда еще не видел людомаров. – Охотник приблизился. – Это правда, что ты способен услышать звук тетивы и полет стрелы направленной в тебя с расстояния в сто шагов?

– Я не знаю.

– Ничего не слышу. Подойди ближе. К уху. Почему на твоём лице... а-а-а! Ха-ха-ха! Ты не переносишь нашего духа. И про это я слышал. Еще я знаю, что вы ходите по деревьям и не живете с женщинами. Все ли правда? – Охотник кивнул. – Мне всегда казалось, что вы повыше да посильнее будете, – продолжал Глыбыр, внимательно осматривая охотника. Он даже протянул руку и осторожно ткнул пальцем охотника в плечо. – Ну да ладно с этим. Поведай мне об огнезмее.

Людомар рассказал все, что знал. Боор внимательно выслушал и попросил подать ему бревно, неуместно лежавшее в углу залы.

– Ударь его своим ножом. Ты ведь бил огнезмея ножом? Бей так, как тогда.

Людомар вытащил нож и почти наполовину вогнал его в дерево. После схватил рукоятку двумя руками и вогнал лезвие еще на два пальца вглубь. Правая бровь боора взлетела на лоб.

– Ты сильнее, чем кажешься. И таким ударом ты не смог пробить его шкуру? – Сын Прыгуна кивнул. – Отойди от меня, – приказал боор людомару и обратился к холларгу: – Ты уплатил нам дань в прошлый снег?

– Да, боор. Онеларг уплатил все, как ты приказал.

Гигант кивнул и с хитрецей покосился на людомара.

– Я слышал, что охотники Чернолесья не платят дань боору.

Все обернулись на Сына Прыгуна.

– Нет, – отвечал тот простодушно. – Мы никогда не платили дань. Над нами властвует Зверобог, не боор.

По залу прошел опасливый шумок. Но боор лишь улыбнулся.

– Тогда почему ты просишь от меня защиты? – спросил он.

– Я не прошу. Я пришел вместе с холкунами.

– Они заплатили тебе?

– Нет.

– Тогда почему ты проделал столь длинный путь?

– Черный лес погибает, боор. Людомары его хранители. Мы должны его спасти. Так сказал мне Светлый. Так я понимаю сам.

– Светлый еще жив? – раздался удивленный голос из-за трона. Он был тихий и его слышал только людомар.

– Я дам вам воинов, когда вернусь из похода. Пока что они мне нужны для войны с саарарами. Остальное обговорите с ними сами. Идите прочь. Я устал, – хрипло проговорил Глыбыр и сделал им знак удалиться.

Холкуны и людомар пошли к выходу. На стене было довольно ветрено. Они почувствовали себя карликами, когда очутились на улице до отказа забитой войсками брездов.

Хорошо вооруженные и экипированные воины заполонили собой все пространство.

– Тысячи тысяч! – восхищенно проговорил кто-то из холкунов. – Куда они идут?

– В Десницу Владыки. Там снова появились полчища саараров и грирников, – раздалось у них за спиной. Холкуны обернулись. Рядом с ними стоял старый высокий брезд. Его кожа была мелового цвета.

– Беллер, – выдохнул благоговейно холларг и опустил на колени.

– Поднимись. Не нужно это. Не для чего это, – мягко улыбнулся беллер. – Меня зовут Доранд, – начал он, попутно отвлекаясь на поклоны брездов-гигантов, которые почитали старого белого мага. – Я слышал разговор ваш с боором. Слышал, что говорили вы об огнезее и сурнах. Не уходите прочь прямо сейчас. Оставайтесь. У меня много дел, но я хочу говорить с вами.

– Достопочтенный Доранд, – невольно поклонился холларг, – боор не давал нам позволения пребывать здесь. Мы не смеем ослушаться, ибо знаешь ты, как поступают с ослушниками.

Вместо ответа беллер протянул сухую руку с длинными пальцами к груди холларга и прижал ее. Холкун невольно ухватился за руку и в его ладони оказался черный кристалл. Беллер развернулся и скрылся с глаз.

– Что это значит, холларг? – загомонили холкуны. – Что он тебе дал? Дай посмотреть. Покажи!

Холларг с непониманием осматривал кристалл.

– Я и сам...

Внезапно его передернуло. «А-агх!», фыркнул он, словно ему в ноздри залили воды. Его снова дернуло. Он схватился за руку, и людомару показалось, что холларг попытался выбросить кристалл. Неожиданно конвульсии холларга прекратились. Он развернулся и пошел прочь.

– Что это с ним?

– Пойдем следом?

– Куда это он? Постой, холларг! – Продолжая перешептываться, холкуны последовали за ним.

Длинная череда лестниц, подъемников и перекидных убирающихся мостиков снова замелькала в глазах людомара. Через некоторое время они оказались у ворот. Однако холларг вдруг свернул вправо и пошел так быстро, словно всю жизнь провел в замке.

Некоторое время спустя вереница путников остановилась у угла, из-за которого слышались разговоры женщин.

Это были обыкновенные женские сплетни, которые рождаются в головах прекрасной половины независимо от расы. Терпеливо выслушав по меньшей мере три рассказа о глупости, несчастной любви и снова глупости, холкуны и людомар увидели, как женщины ушли восвояси.

Холларг тут же прошел вперед и скрылся, соскользнув в отверстие в полу. Раздался всплеск. Холкуны не на шутку всполошились:

- Что он?.. В реку сиганул!
- Куда?.. В реку? Чего это он?!
- Что нам делать?
- Я не пойду за ним.
- Холларг...
- Не ори!
- Что делать-то будем?!
- Я иду следом.
- А я не пойду.
- Кто-нибудь знает, что там?
- Река. Искупаться не прочь?
- Зачем? А через ворота нельзя выйти?
- Я прыгаю.
- погоди. Позови его. Холларг. Тише зови, дурень!
- Он молчит.
- Мы не можем бросить нашего холларга. Как мы покажемся в Онеларге? Что скажем?

Я иду за ним.

- И я тоже...
- Я с тобой...
- Хорошо, мы все идем.
- Может, все же дозовем его.
- Нет, мы все идем. Вперед.

Один за другим холкуны стали пропадать в отверстиях. Когда очередь дошла до людомара, он не медлил ни секунды.

Стена. Скольжение. Краткий полет и людомар с головой ушел под воду.

Когда он вынырнул, туман гудел от взволнованных холкунских голосов.

- Где холларг?
- Я не вижу его.
- Ищите.
- Холкуны, здесь решетки.
- И с этой стороны тоже.
- Мы в западне.
- Не выбраться нам. Нет берега. Одна вода.
- Лезем на решетку.
- Я нашел его. Он... спит.
- Тащи его сюда.
- Не могу. Он ухватился за решетку и спит.
- Холкуны, на решетку. Неизвестно, что скрывают Брездские воды.

Весь день над головами холкунов и людомара гремели барабаны и ревели трубы. Гулкие переходы крепости сглатывали тяжелую поступь пехоты, боевых груххов – громадных животных, походивших одновременно и на быков и на носорогов. Войска весь день вытекали из цитадели, подобно металлической реке и скрывались в тумане.

Словно стая мелких птах по зиме, нахохлившихся и недовольных всем на свете, холкуны облепили одну из решеток, которая перегораживала путь в Долину Брездов по реке. Они

обсуждали решение холларга искупаться и решили дожидаться женщин, чтобы попросить о помощи. Холларг все это время спал, вцепившись в решетку.

Однако праздненства отвлекли кумушек от привычных дел, и они не спешили к реке. Стирка и готовка были заброшены в тот день.

Холкуны, озябшие и голодные, кляли судьбу и грозились устроить холларгу выволочку, когда он проснется. Вечерело. Волнение и разговоры среди вымокших до нитки равнинных горожан, постепенно стихли. Лишь покашливание, недовольное шмыганье носом да стук зубов нарушали безмолвие, установившееся под аркой.

Река мерно протекала под ними, иной раз, создавая между прутьями решетки небольшие водовороты и завихрения.

Людомар сидел у самого потолка арки и апатично смотрел на Долину Брездов. С его насеста она была плохо видна, точнее было видно лишь продолжение лощины и только вдалеке яркими красками цвели неведомые ему деревья. До его носа доносился их аромат, пробуждавший в желудке неприятное клокотание.

Только тут людомар вспомнил, что не ел со вчерашнего дня.

Он порылся у себя в заплечном мешке, вытащил оттуда размякший кусок мяса и готов был впитаться в него, когда один из холкунов задал ничего не значащий вопрос: «Что это?»

Сын Прыгуна посмотрел на вопрошавшего. Он заметил, что вода реки остановилась. Эту остановку было очень сложно заметить, потому что легкая рябь все еще нарушала гладкое стекло реки.

– Я-то и думаю, чего это мне стало теплее, – произнес другой холкун. – Ветра нет.

– Чего это она... встала? – пробормотал третий. – От ветра реки не становятся, – резонно заметил он.

– Смотрите, – четвертый указал в сторону Немой лощины. – Смотрите, холкуны. Воды потекли вспять!

Река и впрямь стала менять течение и потекла в горы.

– Не к добру это... не к добру.

– Взберитесь все повыше да отдерите холларга от решетки.

– Я могу подрезать ему сухожилия.

– Нет, не надо. Он же еще жив. Хотя и околдован. Я сразу ощутил, не к добру, когда беллер передал ему черный рочиропс.

– И я...

– Я тоже.

– Оставим его там, где есть. И пусть боги решают его участь.

– Верно. На все воля богов. Поднимайся выше, холы.

– Это резры, холкуны. Я видел такое.... мне отец рассказывал. Они останавливают реки и заставляют их течь вспять, – неожиданно вскричал один из воинов.

– Чего ты мелешь? Зачем это... пугаешь?!

– Отец мне говорил о них. Клянусь нашим Онеларгом, своими детьми, женой и домом. Пусть отберут у меня все это, если это не резры идут. – Лицо говорившего мертвецки побледнело.

– Он прав, холы, и я про то слышал, – проговорил воин с длинной седой бородой. – Значица так, – неожиданно решительно закричал он. – Забирайся повыше да плащами закрывайся с ног до головы. Иначе эти твари пожрут. Нельзя им давать место, чтобы вцепиться зубами. Трясите плащи, как услышите, что в них резры биться начали. И да прибудет с нами Владыка. Молитесь, холы!

Все бросились вверх по решетке.

– Чего здесь все сгрудились! Переплывай на ту решетку!

Людомар, которому стало, вдруг, очень тесно, бросился в воду и поплыл в сторону второй решетки. За ним спрыгнуло несколько холкунов.

Вдалеке послышался гул. Он приближался.

– Не могу бросить холларга, – сказал кто-то, и сиганул в воду.

– Стой, дурень. Его не спасти.

– Я подрежу ему пальцы. Я быстро.

– Стой!!!

Сын Прыгуна быстро взобрался на решетку и закрылся плащом, придавив его подол ногой. Он быстро отвязал от пояса веревку и обвязал ее вокруг талии. Освободив вторую руку, он вооружил ее кинжалом и принялся ждать.

Его слух отчетливо различал писклявый гомон, доносившийся из воды; тысячи маленьких плавников и хвостов били по воде и над всем эти гудел странный фоновый звук. Вода словно бы кипела.

Холкун подплыл к холларгу, попытался несколько раз без ножа отодрать его от решетки, потом взобрался на нее и вытащил кинжал, но не успел пошевелить им между пальцами, когда стая резров достигла решеток.

Людомару показалось, что их всех сунули в кипящий котел. Река вдруг забурлила. Все пространство заполнилось гулом такой силы, что людомар оглох и в затычках. Холкуны что-то кричали глядя в его сторону. Он повел глазами и увидел, как воин, который пытался помочь холларгу, захлебываясь в крови, безуспешно отбивался от сотен небольших рыб-жуков. Они вгрызались в его ноги, пролезая в них полностью; они ползли под его кожей, пролагая себе дорогу мощными челюстями и зубами-лезвиями. Холкун отчаянно отбивался, но вдруг замер, кашлянул, грудь его сделала несколько судорожных попыток вдохнуть, и он изрыгнул из себя несколько резров, повисших из его рта на остатках его же легких и гортани. Мертвец рухнул в воду, мгновенно окрасившуюся в красный цвет, и на глазах изумленных друзей превратился в обглоданные кости.

Холкуны открывали рты и выпучивали глаза. Людомар не слышал, но понимал, что они кричат от ужаса.

Воспользовавшись их замешательством, рыбы-жуки набросились и на них. Выпрыгивая из воды, они сотнями вгрызались в обвислые плащи холкунов, перемалывали их как в жерновах и впивались в плоть.

Один из воинов допустил резра себе в руку, некоторое время в ужасе следил, как тот прогрызается к локтю, дико заорал, вытащил меч и с одного маха отрубил себе руку у локтя. Кровь длинной струей брызнула в воду и по ней, как по веревке к нему стали выпрыгивать все новые твари. Он быстро потерял сознание, повалился вниз, но застрял ногой в решетке и его бесчувственное тело было съедено болтающимся вниз головой.

Людомар замечал все это, пока сам орудовал обеими руками. Природа наделила его стремительной реакцией, а Чернолесье развило это качество до недостижимых для холкунов размеров. Молниеносный бросок рыб-жуков к телу жертвы был стремительным только для холкунов. Сын Прыгуна замечал каждое их движение. Он вошел в то состояние, в которое входили охотники, когда гнались по лесу за добычей. Время и все движения вокруг замедлились. Резры, выпрыгивая из воды, тут же попадали ему в руки и лопались в них белыми шариками. Их тельца служили пищей для себя подобных. Кинжал почти не пригодился.

Защищаясь, людомар не отводил удивленного взгляда от холларга. Удивительно, но ни один волосок не упал с его головы. Рыбы-жуки его словно бы и не замечали. Вдруг из-под воды донесся протяжный стрекот и рев.

Зрачки людомара сузились, а потом расширились с новой силой.

Холкун рядом с ним не смог противостоять резам, и был съеден до пупка. Одним ударом кинжала людомар перерубил его пальцы и бросил тело в воду. Атака резов на мгновение захлебнулась.

Охотник быстро срезал с себя плащ, обрубил веревку, державшую его у решетки, и очень вовремя совершил длинный прыжок.

Вода за решеткой, на которой сидел людомар и еще пара холкунов разверзлась и изрыгнула из себя чудовище, вместо рта которого были щупальца.

Уарх!

Людомар знал его запах. О нем доносили ему вещи с затонувших лодок, которые пытались проникнуть вглубь Чернолесья, где реки кишели этими чудовищами. Ему не доводилось встречаться с ними лицом к лицу, но звуки их приближения он помнил так же хорошо, как звуки любого зверя в Великолесье.

Холкуны, получившие удар с тыла, были разорваны щупальцами на несколько кусков и сброшены в воду. Лишь одинокий изорванный зубами рыб-жуков плащ одного из них, зацепившийся за решетку висел, как печальное напоминание о трагедии, которая здесь произошла; как оставленное знамя погибшего войска.

Между тем, людомар допрыгнул до отверстия в стене, из которого женщины забирали воду, ухватился за его края пальцами, подтянулся и увидел, как прямо на него движутся три девушки. Быстро сообразив, что делать, он подался назад и забросил свое тело на ближайшую стену. Она оказалась мокрой, поэтому охотник пополз вниз, но у самой кромки воды снова нашел опору и тут же прыгнул, оставив за собой запах, на который устремились сотни резов. Все они промахнулись и ударились о стену.

Еще один прыжок. Удачная попытка зацепиться за край каменного выступа. Еще прыжок. Скольжение по стене. Падение к воде. Быстрое карабканье вверх по еле заметным выступам. Прыжок. И вот он уже дотянулся до противоположной решетки.

В живых осталось лишь три холкуна: двое на решетке и холларг. Он по-прежнему спал. Атака резов продолжалась. В конце концов, оба воина были стащены в воду и съедены.

Людомар был вне себя от ярости. Он ощущал себя зверушкой, загнанной в клетку. Зверушкой, над которой потешаются почем зря. Несмотря на бессилие и озлобленность, он не упустил из вида прекрасную идею – наловил, убив, несколько десятков рыб-жуков и сложил их себе за пазуху. Вот ужин и готов.

Вода перестала кипеть ровно также неожиданно, как и начала. Река снова остановилась и через некоторое время потекла в привычном направлении.

Сын Прыгуна огляделся. Лишь тряпье холкунского плаща на другой решетке напоминало, что здесь когда-то были олуди.

Охотник вздрогнул, когда большое деревянное ведро с громким всплеском упало в реку. Послышалось кряхтение и женские голоса:

– Вот-вот, вышла замуж, учись!

– Крома, иди быстрее, мы уже почти доделали.

– ... мне так показалось. Я ему об этом и сказала. Он выпучил глаза: не знаю, говорит, ничего такого не слышал. Тут-то я ему все и рассказала...

– Крома!

– Слышу я! Иду!

– Как твой мальчик себя чувствует?

– Слава Владыке, пошел на поправку. Крома! Чертова девка. Говорила ему, не вводи ее в дом. Только и делает, что языком треплет.

– Иду!..

– Терпи. Не надо таких слов. Сами мы такими были.

– И я так раньше раздумывала. Ан не осталось нервов. Луна прошла, а нервов уже нет.

– Здесь я.

– Кидай.

В воду полетело ведро.

Людомар перестел слушать треп, обвязался веревкой, прикрепив тело к решетке, вытащил из запазухи одного из резров и впился в него зубами. Мясо было жестковато, но на голодный желудок еды не выбирают.

Неожиданно послышалось шлепанье по воде. К охотнику плыл холларг. Его глаза были черны настолько, что не было видно белков.

– Возьми, – взобрался он к людомару и сунул ему в руку черный кристалл.

Камень ожег запястье охотника. Тот попытался отдернуть руку, но кристалл уже прилип к его коже.

Бросив остатки рыбы в реку, Сын Прыгуна схватил камень рукой и стал оттягивать кожу.

– Оставь, – сказали ему.

Он обернулся. Рядом с ним снова спал холларг.

– Не тронь! – произнесли губы спящего.

Вдруг острая боль разошлась от запястья с кристаллом до самых кончиков волос людомара. От неожиданности людомар потерял контроль и беспомощно повис на решетке, удерживаемый поясной веревкой.

Он с ужасом увидел, как камень стал проваливаться под его кожу, а после вовсе двинулся вверх по руке. Тело начало ломить от боли. Он пытался остановить подкожное движение камня, но ему это не удалось. Кристалл взобрался на плечо, перемахнул ключичу и замер только лишь когда пересек шею и добрался до затылка.

Голова охотника отяжелела. Он стал засыпать.

Яркая вспышка заставила его тело взбрыкнуть так, что он больно ударился головой о решетку. Перед его внутренним взором появились два абсолютно белых глаза с двумя звериными зрачками в каждом. Неведомая сила потянула его вперед, протащила по воде, втащила на стену, проволокла сквозь отверстие для забора воды и потащила по переходам и коридорам замка в неизвестное ему место, обозначившееся в памяти в виде неясно различимой в полумраке комнаты.

Десница Владыки. Железное воинство

Камнеземье не приветливо бросало в лицо Глыбыра сухие колючие россыпи черно-серого мелкозернистого песка. Если бы не особая ткань, которой все войско накрыло себе глаза, не прошло бы и половины дня, как половина воинов лишилась бы зрения.

Ветер протяжно завывал, полоща и хлопая на ветру знаменами армии. В воздухе не было пыли – она не была ведома Камнеземью, вместо нее везде и всюду носилась остробокая пылевая каменная крошка. Подобно наждачной бумаге она отирала собой броню солдат и груххов.

Ноги и лапы животных и войска утопали в песчанике.

Унылое однообразное пространство широко раскинулось со всех сторон от воинства.

– Боор, – подъехал к Глыбыру Комт, – разведчики просятся к тебе.

– Допусти.

Подожли несколько дремсов. Они подняли руки вверх в знак приветствия и почитания.

– Что вы увидели?

– Мы видели много следов вон там, – указали они себе за спину. – Но они пропадают так, словно саарары взмыли в небо.

– Нашли ли вы следы птиц? – спросил боор.

– Нет. Мы не увидели и не услышали их присутствия.

– Могли ли птицы подхватить их.

– Следы ясные. Саарары шли на конях, а потом просто исчезли.

– Такого не бывает. Если это не магия.

– У саараров нет магов. Не выросли еще, – усмехнулся Комт. – Дремсы не...

– Всему свое время, – одернул его боор. Не время для шуток, подумалось ему. Странно это, но Глыбыр заметил, что в последнее время Комт – старый вояка и прежний главный претендент на трон боора – стал каким-то другим. Словно бы опьяневшим, а потому глуповатым. К чему бы это? Второй раз за несколько дней боор задавался этим вопросом, но в который раз гнал от себя подобные мысли, потому что прямо за ними всплывали слова Доранда, просившего удалить прочь Комта от двора боора. Глыбыр сжал кулаки и с усилием перестал думать об этом. Он обратился к разведчикам: – Что вы еще увидели?

– Больше ничего.

– Идите прочь.

– Что они рассказали? – спросил Глыбыр, оборачиваясь к небольшой свите воинов, ехавших за ним на груххах. Все ехавшие пожали плечами.

– У них не может быть магов. Они только недавно познали лошадь и научились возводить дома, – произнес Глыбыр задумчиво.

– Они пропадали надолго. Их могли научить, – вмешался в разговор молодой беллер – брат Доранда. Он ехал слегка в стороне в сверкающих доспехах. Его стройное тело и молодое свежее лицо беззастенчиво улыбалось всему и всем. Это был его первый поход, и он ожидал от будущего только волшебства.

Остальные брезды ехали насупившись. Они были в том возрасте, как дома приятней, чем в походе. Обрюзгшие тела и одутловатые лица с трудом помещались в фамильные шлемы.

Глыбыр снова нахмурился. Это не был первый его поход, но впервые он встречался с необычной тактикой саараров. Во все века до этого бои между брездами и саарарами проходили честно и просто. Они встречались в открытом бою и брезды неизменно избивали «лошадников», так они презрительно называли саараров. После подобных битв можно было быть уверенным в том, что в ближайшие десятилетия они не побеспокоят окрестности Боорбогских гор.

Этот поход был совсем другой, хотя начинался, как и все предыдущие.

Покинув Немую лощину, армия свернула на Острокаменную тропу и шла по ней до тех пор, пока впереди не замаячили облезлые хвосты на стягах саараров и олюдские черепа на вымпелах грирников. Как и за века до этого два беспокойных племени снова пришли к Боорбогским горам в единой связке.

Глыбыр привычно расставил войска и двинулся вперед.

Оба войска сошлись друг с другом под дикий грохот щитов о щиты. Грирники по росту мало чем уступали брездам и оказали достойное сопротивление, но все же были смяты и изрублены. Удар груххов с обоих флангов довершил разгром войска пришельцев.

В тот момент и началось то необычное, что продолжается и сейчас.

Глыбыр неожиданно заметил, что груххи не смыкают фланговый охват в полноценное кольцо окружения. Словно в тисках они сдавили саараров и грирников, но и только.

– Почему они встали, Комт!? – закричал Глыбыр. – Почему стоят?! Прикажи им охватывать саараров по тылу.

Сказав это, боор занялся самым любимым своим делом. Понукая грухха, он врубился в толпу саараров и стал рубить их направо и налево, разя своим мечом по два, три врага за раз. Недаром боевые товарищи прозвали его Длинномеч. Верные друзья Глыбыра, друзья еще с тех самых пор, когда он и не помышлял стать боором, намеренно не выходили вперед него, давая ему потешить себя горячей рубкой до изнеможения.

Неожиданно меч Глыбыра на излете ударился в щит одного из друзей. Он с удивлением заметил, как охрана отгесняет врагов от него.

– Боор, скачи за мной. Ты должен это увидеть. – За спиной Длинномеча оказался Комт.

Тяжело дыша, Глыбыр недовольно покосился в сторону врагов. Снова приходилось заниматься тем, чем заниматься совсем не хотелось. Он развернул грухха и поскакал вслед за Комтом.

Тяжелый отороченный дубленой кожей плащ Комта подрагивал от езды, а Глыбыр задумался – в который раз за короткое время – почему он должен слушаться этого старика. Говорят, Комт пережил трех его предшественников и был самым опытным воином в Синих Равнинах. Глыбыр не знал, так ли это, да и никогда не стремился это узнать – не было времени. «Да-а, быть боором – быть не собой, правильная поговорка», – с горечью подумал Длинномеч.

Всю жизнь его любимым занятием была война. Музыка, состоявшая из звона металла о металл, предсмертных хрипов, криков отчаяния и боевых рыков, воплей раненных и визга погибающих животных, – вот такая музыка ласкала его слух. Снопы искр, порождаемые полотнами мечей и секир, бьющимися друг о друга или по твердотелому щиту, – это был фейерверк, от которого Глыбыр всегда невольно открывал рот. Смерд от спекшейся крови и разложения, запах терпкого пота, исходящего от солдатских тел и тел дикарей из Прибрежья, где Глыбыр был завсегдаем, словно изысканный аромат услаждали его нюх.

Вдруг мысли Глыбыра прервались, и даже сознание его замерло, тонко и натужно дрожа. На миг он потерял ориентацию и едва не сполз с грухха.

Они с Комтом выехали из-за дерущихся армий, проехали немного вдоль левого фланга и остановились.

Все пространство позади саараров и грирников занимала армия такого числа, какого ни один даже самый умный брезд не мог бы выдумать. Насколько хватало глаз, за армией саараров и грирников беззвучно и неподвижно стояли стройные ряды неизвестного воинства. Доспехи тускло горели под лучами полуденного солнца. Вся эта армада напоминала замерзшее море, готовое по первому сигналу разразиться страшной бурей.

Пот пробил Глыбыра. Боевой раж мгновенно слетел с него, и место воинского безумия заняло то качество, которое выделило его из тысяч иных воинов и сделало боором.

Не говоря ни слова, он развернулся и понесся обратно. Подлетев к резервной тысяче груххов, он выхватил у знаменосца стяг с изображением Боорбрезда и ринулся вперед.

Удар тяжелой кавалерии был страшен. Сотни «лошадников» взметнулись в воздух, переворачиваясь в нем как безвольные куклы, еще столько же было прямо толстенными ногами груххов.

Враги дрогнули и в беспорядке побежали.

– погоди, боор! – закричали у самого уха Глыбыра. Он оглянулся. За ним скакал Комт. – Останови атаку. Ты погубишь всю армию. Их во много раз больше.

– Поди прочь, коли так говоришь. Мы приросли саарарскими трусами и грирникскими бабенками. Они пойдут впереди нас, расчищая нам дорогу.

– Оставь этот замысел. Их перерубят. Ты не видел разве? Позади них стоят не саарары и не грирники. Они изрубят их, а потом тебя.

И снова, во второй раз, молодецкая удаль стала таять, уступая место расчету.

– Со мной идут только груххи, – зычным голосом крикнул он. – Все остальные, стой!!!

Тут же взревели трубы и армия нехотя, но остановилась.

Брезды на груххах продолжили погоню, тысячами избивая саараров и грирников. Несчастные метались между двумя армиями, отчаянно крича и взывая к своим богам.

Со своего грухха боор видел, как солдаты неизвестной ему расы с невообразимой скоростью, точностью движений, словно бы не чувствуя усталости, принялись довершать со своей стороны то, что делали брезды со своей.

Когда Глыбыр приказал своим воинам остановиться, между ним и передовым рядом неизвестных войск оставалось всего сто шагов. На этом пространстве, заваленном тысячами трупов, выжившие саарары и грирники стояли, растерянно озираясь по сторонам.

– Возвращаемся, – приказал Глыбыр. Его зоркие глаза разглядели глаза одного из неизвестных воинов. Они были зеленые и необычайно большие. Противник зорко следил за каждым движением боора. Не было сомнений, что он понял, кто перед ним.

– Мы не нападаем на вас, – закричал им Длинномеч, – уходите!

Видимо, его слова были услышаны. Как только груххи отошли на безопасное расстояние, неизвестная армия как один развернулась и стала быстро удаляться.

Изумление читал тогда боор на лицах своих солдат. Изумление и, самое страшное, тайный ужас, в котором и сами солдаты, даже если их спросить, не признались бы.

– О, великий Владыка, сколько же их здесь?! – прошептал Комт.

Только сейчас, имея возможность сравнить две армии, Глыбыр понял, что величина его армии не шла ни в какое сравнение с армией, уходившей прочь.

– Беллер! Позовите беллера Аламанд, – вскричал Комт. – Аламанд! Скажи нам, кто это?

– Это наше завершение, – проговорил подошедший маг. – Венец всех изменений, которые пришли к нам. Это и радость наша, и бич Синих Равнин; это и свет, и тьма для Холмогорья; это беда для Чернолесья. Это...

– Боор, – уже в третий раз повторил Комт.

Глыбыр вздрогнул. Он словно бы очнулся. Воспоминания о странной битве, произошедшей несколько лун назад, были еще слишком свежи, и он часто погружался в них с головой.

– Комт? Ты... э-э... я... – Длинномеч замолчал растерянно.

– Они перед нами, – кивнул Комт перед собой.

Далеко впереди снова виднелись знамена. Но это была не неизвестная армия. Это были саарары и грирники. Снова они и в еще большем количестве. Двигаясь тремя колоннами, враги окружали войско боора.

«Это наше завершение», – вспомнил Глыбыр слова беллера.

– В круг! Встать в кру-уг! – заорал он пехоте. – Груххи... все груххи ко мне!

– Боор, что ты намерен делать? – спросил его Комт.

Глыбыра удивило плохо скрываемое торжество на лице Комта, но он счел это за подъем чувств в момент смертельной опасности.

– Буду достойно завершать начатое мной, – бросил он Комту. – Ты не пойдешь с нами. Ты останешься. Ты им нужен. Мне иной раз кажется, что ты бессмертен. Ты им нужнее.

Вокруг боора собралось не более пяти тысяч груххов с всадниками.

– Беллер сказал нам, что это наше завершение, – обратился к ним Длинномеч. – Вот это, это и вон там! – Он указал поочередно на все три колонны, молча обволакивающие их стальным потоком. – Не слишком много, брезды! Я думал наше завершение будет побольше. – Лишь немногие лица скривились в улыбке. – Это наша последняя атака. Это наш парад. Боги смотрят на нас. Они восхищены. Вперед! – Он обернулся к Комту и лицо последнего изменилось: Комт увидел совершенно другого боора – его лицо было холодным и чрезвычайно спокойным.

– Если у меня получится остановить их и потеснить, ты уходи прямо за моей спиной. Иди спешно. Я огражу их от тебя.

Теперь уже Комт растерялся, но кивнул.

Лавина груххов понеслась на левый фланг саараров, но, не доходя до них одного полета стрелы, вдруг резко свернула и бросилась в лобовой удар по центральной колонне, и снова ушла в сторону, обрушившись с тыла на не ожидавшую этого правую колонну.

Всего несколько минут потребовалось груххам и их брездским наездникам, чтобы истребить несколько тысяч врагов.

– Не преследуйте! Храните силы! – кричал Глыбыр. Он был радостен, и всякий раз обращался, глядя на основное войско. Можно уходить, но войско не двигалось.

Его зоркий глаз быстро определил место, где бегущие саарары правой колонны смешали ряды центральной части войска. Груххи тут же ударили в это смешение и разорвали колонну пополам.

Только тут боор подметил явное нежелание саараров и грирников сражаться. Когда же он в который раз врубился в их ряды, то был изумлен. Он увидел, что все они связаны между собой железными цепями, их лица измождены, а тела иссушены.

Холодный пот пробил его. Такое воинство не могло быть ему опасно, но почему оно шло на него закованное, словно бы рабское. И снова величайшая радость озарила его душу: раб недостойный противник свободному! Он победит. Снова! Снова!

Боор оглянулся и замер в недоумении. Войско под руководством Комта продолжало стоять на месте, хотя левая колонна не только остановилась, но и стала отступать.

– Комт!!! – закричал Глыбыр, широко расширив глаза. Его недоумение сменилось изумлением, а потом и яростью, когда он увидел как основной стяг – стяг Боорбрезда – стал медленно клониться долу.

Его войско сдавалось.

До слуха Длинномеча донесся грохот. Подобно камнепаду он стремительно приближался. Дикие крики саараров и грирников из хвоста колонны подтвердили приближение чего-то необычного и ужасающе мощного, неостановимого.

Боор вгляделся вперед и увидел, как прямо на него неслись животные, более походившие на исполинских полу ящеров полу слонов. Их приземистые силуэты, массивные раздвоенные носы и нижние челюсти в виде лопаты, утыканной острыми клыками, не оставляли шансов груххам боора. По сравнению с этими чудовищами груххи казались игрушечными.

Монстров было всего шесть, но их удар был настолько мощным, каким бывает разве что удар гигантской волны о пологий берег.

– Ко-о-о-омт!!! – взревел Глыбыр.

Через мгновение его грухха подняли на челюсть-лопату и подбросили высоко в воздух. Клык насквозь проткнул ногу и сильно повредил руку боора.

Падения оземь он уже не почувствовал. Тьма сокрыла от него первое поражение.

Забвение

– Пройди ко мне, – призвал его тихий голос.

Людомар послушно вошел. Он сам удивлялся тому, как его тело быстро и беспрекословно подчинялось приказам голоса.

В голове немного шумело от того, что в ней поселился кто-то иной помимо самого Сына Прыгуна. Идя длинными коридорам замка, перепрыгивая с мостка на мосток, протискиваясь сквозь потайные щели, людомар не переставал удивляться, насколько хорошо знает замок тот, кто засел у него в голове. Его загодя предупреждали о нежеланных встречах, заставляя прятаться в тени углов, ни минуты не медля уводили в сторону с пути какого-нибудь случайного прохожего.

Прошло довольно много времени прежде, чем Сын Прыгуна достиг комнаты, которую видел внутренним взором и слышал голос, звучание которого ощущал лишь изнутри головы.

Он прошел в совершенно пустую комнату, голые стены которой покрывал налет из многовековой пыли. Паутины, привычной в таких случаях, не было.

Посреди комнаты прямо в воздухе висел беллер. Людомар узнал его. Это был тот, которого они встретили на выходе от боора.

Глаза беллера были закрыты, а тело вытянулось, насколько могло. Его руки были вытянуты вдоль тела, и весь он словно бы тянулся к потолку.

– Ты пришел, наконец, – проговорил он удивительно бодро, громко и так, словно и не пребывал в полудреме. – Ты устал, я вижу. Резры прелестные, но весьма беспокойные создания. Они утомили тебя. – Это был даже не вопрос.

Он знал – беллер ведал про резров!

Сын Прыгуна сделал вид, что не удивился.

– Ты сильно удивлен? Молчи. Можешь не отвечать. Эта комната исполняет все желания. Абсолютно все. Кто хочет говорить – говорит, кто не хочет – не говорит; кто хочет слышать – услышит даже того, кто не хочет говорить.

В небольшим вздохом, беллер перевернулся в воздухе и улегся неизвестно на чем. Он продолжал висеть в воздухе.

– Сделай так же... если хочешь. Оно поддержит тебя. Всякое желание. Я же говорил.

Людомар подумал о том, что неплохо было бы присесть. Он сделал робкий жест и к своему удивлению ощутил, как воздух под ним стал сгущаться.

– Ляг и отдохни. – Беллер сел в воздухе. – Я люблю проводить здесь время. Много времени. Оно здесь не существует. Здесь его бесконечное множество.

Людомар с опаской сел, а потом и прилег.

– Я давно ждал тебя. Только когда увидел, понял, что ожидаю тебя. – Старик закричал: – Эти старые брехуны наскребли на таблицах такое, что трудно разобрать даже мне. Но они писали о тебе. Песчинка, уравновесившая подобное подобным, кажется так там написано. Память. Моя память уже не та. Но и написали они не мало. Всего нельзя упомянуть... да и не нужно.

– Зачем ты наслал на нас хищных рыб?

– Резров? Они всегда выполняют свою работу. За это я и кормлю их. – Старик откинулся назад, и сел словно в кресле. – Никому не должно быть известно устройство замка. Как только это станет известно, не останется даже этой цитадели. Все покроется мраком. Боорбрезд умрет, но воссияет. Не сегодня, не завтра, еще не скоро, но грядущее не изменить.

– Ты сам отвел нас туда.

– Мне нужен был ты. Один бы ты туда не пошел. Сам бы остался с ними, да и они бы тебя не пустили.

– Они погибли из-за меня?

– Да. Но... ты не должен винить себя. Их путь пуст. Они из тех, чья жизнь или смерть ничего не значат для Владыки, как не значит волос, спадающий с головы героя. Он лишь его обрамление.

– Но Боорбог, как я слышал, запрещает...

– Боорбог мертв. Он издох, когда твоя нога ступила в Немую лощину. Я видел его судороги, я слышал его предсмертный вопль, я видел его тлен! – Беллер расхохотался зло и нарочито громко. Людомар не знал, что сказать на это. – Есть некоторые, те, которые не могут примириться с тленом и возрождением; есть те, которые не видят этого; есть те, которые предпочитают не замечать, а есть и такие, которые готовятся к нему. Я их последних. Но чтобы стать мной тебе придется примириться с тем, что там... за этими стенами прежний мир уже рухнул. Его больше нет, и никогда не будет. – Старик поднялся на ноги и плавно подлетел к людомару. Тот невольно отстранился.

– Когда ты выйдешь отсюда – не будет во всем мире более одинокого и отверженного существа, чем ты. И ты возрадуешься, когда подумаешь, что мог бы умереть там, вместе с этими холкунами. – Лицо старика исказила презрительная гримаса. – Вот, что меняет нас. Когда перейдешь этот горький ручей, когда опалит он тебя своими гремучими водами, тогда глаза твои откроются и расцветут по-новому. Все новое увидишь ты. Все другое!

Беллер навис над ним и долго смотрел на него.

– Скажи мне еще одно: многое ли ты оставил позади... в том мире.

– Я оставил там все.

Старик громко расхохотался.

– Тем лучше для тебя. Значит, я не ошибся. Мой выбор – самый тот. – И он ударил ладонью людомара прямо в лицо.

Необъятная пустота, непроницаемая тьма, гремящая тишина обрушились на охотника, едва ладонь беллера прикоснулась его лба.

– Это моя любовь, это моя кара тебе, это моя ненависть и моя боль тебе, о, Владыка. Оставляю ее тебе после себя, дабы не свершилось то, что предначертано. – Голос беллера удалялся. – Я оставляю тебя здесь. Я отнимаю тебя у тебя. Я провозглашаю Маэрха в тебе. Нет, и не было, но будешь ты вновь. Когда Владыка сокроет очи, когда тьма пронзится светом надежды; когда зло поглотит само себя...

На этом голос старика затих, и вместе с ним провалилась в тишину сама Вселенная.

Маэрх. Пробуждение

Тусклый свет с трудом пробивался сквозь щели в потолке. Он был серебрист. Робкие нечеткие лучики его ниспадали рваными нитями на грязный, заваленный осколками битого камня, пол. Паутина белесой бахромой свисала по углам. Ветерок, проникавший в комнату неведомо откуда, слегка колыхал ее и озорно играл отдельными прядями.

В углу копошились крысы – эти извечные спутники запустения и тишины подвалов. Их еле слышные шажки вереницей хрустящих звуков пробегали вдоль стен, перемежая со звуками осыпающейся каменной кладки. Тихий писк говорил о том, что крысам было, чем заняться.

Окружающее пространство дышало спокойствием. Это был тот тип покоя, какой свойственен, наверное, только заброшенным домам или клетушкам, в которых обитают очень старые существа, заботящиеся только о том, чтобы дождаться своего часа на выход в мир иной.

Ярко сверкнул на свету паук, переметнувшийся с одной стороны комнаты на другую. Видимо, крыса пошевелила паутину, а он и рад бросится в пасть к хитрюге.

Непродолжительная неравная борьба. Писк. Хрип. Хруст. И вот уже хищник съеден жертвой. Путь паука был окончен, и паутина будет дожидаться нового владельца, лениво помахая своими лохмами.

Неожиданно в одном из углов помещения нечто зашевелилось. Выдох, вместе с которым туча пыли вылетела на середину комнаты, разнесся по помещению словно бы грохот раската грома.

Все обитатели этого тайного и тихого мирка на мгновение замерли, а после ринулись каждый в свое убежище.

Стена на уровне двух локтей стала медленно со скрипом и скрежетом отходить. Комнату наполнили клубы пыли.

Словно произрастая из пылевого облака, в робких отблесках света, лившихся в потолка поднялась высокая фигура. Она глубоко вдохнула, резко кашлянула и отряхнула руки.

Ожившее в лоне смерти существо медленно и плохо понимающе осмотрелось. Его дыхание становилось все более умеренным. Оно снова кашлянуло.

Он повернул голову в ту сторону, где из щели в стене вытащила свой нос крыса. Заметив, что он смотрит на нее, крыса в мгновение ока растворилась в темноте.

Фигура стояла неподвижно довольно долго, прежде чем сделала несколько шагов к стене и навалилась на нее. Потом она подошла к другой стене и повторила то, что сделала до этого. Путь к третьей стене был остановлен громким треском.

Ожившее существо замерло и посмотрело себе под ноги. Его ноги, закованные в крепкие сапоги из дубленой кожи, попирали раздавленные на сотни кусочков части скелета. Скелет был огромен. Это был брездский скелет.

Фигура подалась назад. Снова раздавался хруст, и существо увидело, что опять раздавило кости. Оно присело на корточки и потянулось к полу. Оно подняло что-то, зажало это в руке, а после сунуло за пазуху.

Внезапно существо замерло и стало прислушиваться и принюхиваться. Не вставая на ноги, оно резко повернулось в ту сторону, откуда тянуло свежестью и, резво поднявшись, подошло к стене.

На этот раз твердь поддалась и открылась. В комнату ворвался порыв ветра. Фигура подалась назад и подошла к нише, из которой появилось. Протиснувшись обратно, существо слегка загремело внутри чем-то металлическим и вылезло обратно.

Слабый свет скользнул по двум листовидным щитам на запястьях существа и двум широким, но коротким – в четыре ладони – мечам. Тело существа было сокрыто под тяжелым чешуйчатым плащом с прорезями для рук.

Убрав оба меча за голенища сапог, существо еще раз рассеянно посмотрело вокруг себя и проскользнуло в щель.

Фигура в плаще уверенно шла по длинному коридору, выдававшему далеко вперед. Казалось, ему не было ни конца, ни края.

Постепенно, пространство заполнялось звуками. Слух ожившего явственно различал скрип повозок, далекие голоса и стук шагов.

Коридор оканчивался стеной, однако существо в плаще не стало толкать стену, но нажало небольшой камень у ее подножия. Справа от него открылась небольшая ниша. Она претворяла собой узкий и низкий проход, идущий все время под уклон.

Существо быстро прошло в нее и стало спускаться. Кромешная тьма, сгустившаяся поначалу до такой степени, что глаза ожившего перестали видеть, постепенно рассеивалась. Спуск окончился неожиданно. Существо едва удержалось на ногах, чтобы не скатиться кубарем в воду, плескавшуюся в небольшом прямоугольном колодце-заводи. Оно остановилось, качаясь, и замотало головой так, словно бы снимая оцепенение. Оно снова тяжело задышало и, опершись рукой о стену, долгое время стояло, свесив голову и приходя в себя. Внезапно, существо отпрянуло. Из воды на него смотрели сотни маленьких глаз. Они внимательно следили за ним.

– Резры, – прошептал оживший. – Резры...

Вдруг его дыхание словно остановилось. Существо попыталось издать вопль, но лишь захрипело, как если бы его начали душить. Затем оно снова выпрямилось и смело ступило в воду. Рыбы-жуки расплылись в стороны, давая ему пройти.

Раздался всплеск и вода сомкнулась над головой существа.

Людомар открыл глаза. Серая плоская галька тускло горела под лучами солнца, с трудом пробивавшегося сквозь пелену тумана.

Он поднял голову и медленно непонимающе осмотрелся.

Охотник нашел себя лежащим за большим валуном подле Синего языка, несущего свои воды по дну Немой ложины. Река, как и многие века до этого мгновения степенно текла у его ног.

Сын Прыгуна поднялся на колени и, не удержавшись, упал спиной на камень. К его удивлению, он ощутил у себя за спиной мешок, который сделал его падение мягким. Падая, людомар слышал шелест, от которого душа его оледенела.

«Омкан-хуут», пронеслось у него в голове. Он тут же вскочил и потянулся под ребра за своими кривыми ножами. Там их не оказалось. Продолжая оглядывать окрестности, он словно слепой шарил у себя по торсу. Ножей нигде не было. Наконец, он обратил свой взор на себя и застыл широко раскрыв глаза.

Его взору открылась грудь, закованная в мелко сплетенную брездскую кольчугу с шестью пластинами поперек; живот прикрытый частью кольчугой, частью широким кожаным поясом со множество приспособлений-ножен (все они были пусты); его ляжки были обернуты дубленой кожей, прикрытой все той же кольчугой, а на ногах красовались размякшие охотничьи сапоги, стиснутые поножами из холкунской стали, такого качества, что на покупку их у всякого в Синих Равнинах, да и Великолесье ушла бы не одна жизнь.

Не веря глазам, людомар осторожно дотронулся до себя и резко отнял руку. То, чем он тронул броню само было заковано в кольчужку и кожу, усиленную широкими клёпками.

В изумлении подняв руки на уровень глаз, людомар в ужасе подпрыгнул. Его ног коснулось нечто твердое, громко загремевшее. Только тут он заметил, что с локтей его свисают веревки, на концах которых болтаются два странной формы щита. Они походили на узкие листья с заостренными кончиками.

Людомар поднял и их, внимательно рассматривая. Прошло несколько мгновений прежде, чем он в изнеможении опустил на прибрежную гальку. Сидеть оказалось не очень удобно, поэтому он стал снимать с себя экипировку.

Оголив торс, он окончательно впал в ступор. Тела, такого, каким он его помнил – молодым, упругим, легким – под кольчугой не оказалось. Он увидел перед собой не сухопарость охотника, но обрюзглость живота перемежающуюся с чрезвычайно развитыми руками и грудью. Людомар с удивлением ткнул пальцем в одну из грудей. Она походила на камень, сокрытый под небольшим мягким одеянием.

Сына Прыгуна вмиг обуяло то чувство, какое редко кому удается испытать. Он ощутил себя заключенным в тело другого существа. Бросившись к реке, он увидел в рябом отражении воды силуэт лица, сокрытого шлемом с железной накладкой, скрывавшей нос, рот и подбородок. Трясущимися руками он развязал шлем и снял его с себя.

Великое облегчение и радость напали на него, когда он увидел свое отражение в воде. Да, это был он. Несколько пополневший, но он!

Лицо изменилось: оно стало тверже и... Он не смог найти описание тем изменениям, которые разглядел в своем отражении.

И в третий раз он потратил много времени, чтобы посидеть, упершись спиной в холодный приречный валун.

Мысли роились в голове. Вопросы. Их была целая туча. Подобно падальщикам, беспокойным, но безразличным ко всему, они слетались на труп его сознания и терзали его сравнениями, указаниями и наблюдениями.

Почему он один лежит на берегу? Почему он так одет? Что с его телом? Что с ним вообще такое?

Первая атака очевидных вопросов спала, когда начало смеркаться. Но за ней прилетели более осмысленные мысли и вопросы.

Что случилось с ним в Боорбрезде? Был ли это сон? Где холкуны? Где холларг? Его хождения по замку, его заплыв с убийцами резами, – все это был сон? Кошмар?

И наконец, когда сон уже смыкал его веки, в голову медленно заползли остатки вопрошений.

Почему дорога к Боорбрезду пустынна? Почему сейчас так жарко, хотя когда они пришли в замок, было еще холодно? Сколько он пробыл там?

С этими мыслями он и уснул.

Прибрежная галька со скрипом и глухим звоном разлеталась под нажимом тяжелых ног. Прерывистое дыхание с хрипотцой, срыгивание и пускание воздуха было настолько громким, что людомар еще издали даже сквозь сон прослышал о том, что в его сторону продвигается некто живой.

Из-за поворота реки показались два всадника. Они ехали на странных животных. Те были шестиноги, похожие на ящериц с далеко выставленными нижними челюстями. Из-под верхних челюстей чудящ высовывалось по два клыка. В сочетании с целым рядом клыков на нижней челюсти животные производили грозное впечатление.

Всадники перебрасывались фразами на неизвестном языке.

Проходя мимо приречного валуна, одно из животных вдруг недовольно заворчало и стало воротить в сторону булыги.

– Эльш! – прикрикнул сидок на него.

Второй что-то спросил его. Тот ему ответил, кивая в сторону камня. Второй слез и внимательно оглядел валун. Потом помочился на него, снова взобрался на свое животное и они продолжили путь.

Едва их силуэты затерялись в тумане, как людомар вытащил из воды всю голову – до этого торчал только нос и часть лица – и внимательно посмотрел вслед странной парочке.

Удивительные вещи продолжали происходить.

Как может некто, да еще и с оружием пребывать в Немой лощине? Разве брезды разрешили такое? И, если да, то когда?

Он продолжал еще некоторое время лежать, а потом сел, высунув из воды и торс. Струйки воды стекали по его кольчуге.

Видимо, подумалось ему, недаром он так одет. Что-то поменялось вокруг. Даже не «что-то», а многое. Может быть и все!

Один единственный вопрос мучил его: где же он был все это время?!

Продолжать идти вдоль реки стало делом опасным. Придется углубиться в кустарник на холмах. Это шумно, но если забраться повыше, то вполне сносно.

Порешив так, людомар приказал себе отказаться задумываться над тем, почему, зачем, отчего и где, и начать действовать. Самое большее, что он сейчас хотел – вернуться домой.

Взобравшись на холм, он с восхищением огляделся.

Под его ногами распростерлась туманная река. Зеленовато-сизая пелена медленно струилась в сторону замка. Холмы и горы над ними, как и в то утро, когда он впервые взглянул на лощину с высоты каменных стен, холмы и горы утопали в зелени, оглушали его стрекотом, клетоком, трезвоном, пищанием и щебетанием разнообразных созданий.

Как же разительно было отличие вершины от подошвы! Да разве возможно, чтобы что-то стало хуже в этом мире, когда есть такая красота!

Людомару стало немного жаль реку. Она никогда не увидит эти пейзажи. Никогда не вдохнет полной грудью дурманящий сладкими запахами воздух. Охотнику показалось, что он очутился дома. Стало уютно и тепло. Захотелось отбросить все мысли, лечь прямо в траву и улыбаться солнцу, смеяться вместе с ним, радоваться его лучам, ощущая их на своей коже, играть с ними.

Едва различимый хруст веток быстро вывел его из неги, и Сын Прыгуна не успел даже подумать, как его тело бросилось в траву.

Это был небольшой ками – животное, походившее на оленя. Он мерно прошел в нескольких шагах от людомара, лениво сдирая с ветвей низкорослых деревьев молодые листочки. Охотник не стал его пугать и дал пройти мимо.

Следующие несколько дней он двигался по предгорьям, спускаясь к реке только для того, чтобы набрать воды и поймать рыбу.

К его удивлению выход из лощины был перегорожен довольно высоким частоколом с массивными деревянными башнями позади. На их вершинах горели тусклым светом желтые кристаллы.

Людомар долго вглядывался в неизвестно откуда, как и когда появившиеся укрепления прежде, чем разглядел на них таких же воинов, каких встретил в первый же день своего пути прочь из лощины.

Пришлось ждать ночи и под ее покровом пробираться через укрепления.

Несмотря на обрюзглость, охотник без труда взобрался на частокол, перемахнул через него, прокрался через поросшее травой пространство, перебрался через еще один частокол, меньший по размеру, и, наконец, очутился на Синих Равнинах.

Ноги скоро несли его прочь от Немой лощины. Иной раз он закрывал глаза и отдавался бегу, слыша свист в ушах, наслаждаясь тем, как вольный ветер бил его своими порывами по лицу.

Утро он встретил в небольшом перелеске, где взобрался на самое пышное дерево, спрятался в его ветвях и проспал до вечера. Он решил двигаться по ночам. До тех пор, пока окончательно не поймет, что произошло в том мире, который он покинул несколько дней назад, он не позволит солнцу осветить себя.

Сумерки спустились на землю и приятным теплым ветерком обдували ее, разомлевшую после довольно жаркого дня. Травы поднимались от земли, цветы тянули свои бутоны к восходящей луне, а деревья придвигали к ней свои ветви.

Людомар проснулся, снял из-за спины мешок, съел сырую немного увядшую рыбу, и быстро собрался в дорогу. Он оглядел свой широкий пояс. Каждая из ножен на нем была занята. Он нашел для каждой из них свое оружие в мешке. Теперь у него было два широких коротких прочных меча, два когтеножа, четыре метательных ножа и один простой нож. Кроме этого, в привязи на своих бедрах он нашел по четыре наконечника к копью. За спиной висели два странных на его взгляд щитка, закрывавших руки и складная плевательная трубочка с дюжиной дротиков.

Вечерний ветер неожиданно принес удушливый запах кислого испарения, от которого першило в горле. Сын Прыгуна вспомнил про шлем. Он его едва не выкинул, потому что посчитал неудобным (людомары никогда не носили шлемов), но теперь шлем очень даже пригодится. Надев его, можно прикрыть нос и рот небольшими пахучими мешочками. Охотник только недавно обнаружил эти мешочки внутри шлема. Они крепились к тем его частям, которые закрывали нос и рот. В мешочки нужно было накладывать свежую траву, которая бы отбивала запах и очищала воздух. Людомар знал, что на каждом холме, на всех равнинах, в каждом лесу и даже на болоте и скале есть такие травы.

Ему не составило труда собрать их, уложить в мешочки и двинуться в путь.

Вдалеке послышался грохот. Подобно гроыханию грозы за горизонтом, он разносился над окрестностями.

Сын Прыгуна хотел было укрыться от надвигающейся бури, но глаза доносили ему, что это вовсе не ненастье. О том же говорил и нос. Непогодой не пахло. Да и зверье, копошившееся вокруг, не выдавало своего, приличествующего случаю, беспокойства.

Людомар наткнулся на деревню неожиданно для себя. Она вытянулась в небольшой балке вдоль хилого ручейка. Охотник слышал, где вода набирала силу. Это был источник в одном из склонов балки.

Домишки, лепившиеся у берега ручейка, своими силуэтами выдавали принадлежность пасмасам.

Некоторое время людомар раздумывал, заходить ли ему в деревеньку. Любопытство перевесило, ведь это был первый случай, когда он повстречал знакомый ему «пейзаж», который, возможно, расскажет, что происходит с миром.

Грохот за горизонтом не прекращался.

Людомар спустился в балку и быстро прошел к первому домику. Клетушка была совсем старая, покосившаяся – даже для пасмасов она была неухоженной на вид. Он заглянул в узкие оконца. Света нигде не было. Наличие живых существ ни слух, ни обоняние не ощущали.

– М-м-м, м-н, м-м-м, – промычали где-то совсем рядом, и из соседнего домишки вышел пасмас.

Запах донес людомару, что это молодой олюдь.

Пройдя несколько шагов, пасмас вдруг осекся, быстро нагнулся и подобрал что-то на дороге. Внимательно оглядев находку, он расстроено сплюнул, отбросил находку и продолжил путь.

Охотник проследил, куда он направился и приблизился к развалюхе, почти землянке, из входа в которую тянуло жареным мясом и овощами. Пахло еще чем-то протухшим, жухлым и застоявшимся, но основной запах еды был неотразим.

Людомар оглянулся по сторонам, прислушиваясь. Никаких звуков приближения кого бы то ни было к деревеньке, он не услышал. Охотник прислонил к стене ближайшего домишки щиты, снял заплечный мешок, переменял плащ на обратную сторону, которая оказалась похожей на рублище, убрал за куст шлем и, закрыв половину лица грязной тряпкой, вошел в землянку, оказавшуюся харчевней.

Все находившиеся внутри тут же замолчали и обернулись на него. Все четверо, включая хозяйку харчевни.

Затеряться не удалось. Это раздосадовало людомара, но уходить было нельзя. Все и без этого подозрительно его разглядывали.

– Пожрать мне дай, – сказал он как можно громче и сам вздрогнул о того, с какой силой его голос донес его слова. Даже голос поменялся за день пребывания в Боорбрезде.

Хозяйка – старуха, от которой терпко пахло приближающимся тленом, напряженно кивнула и указала рукой с зажатой грязной тряпицей направо. Там стоял рассохшийся стол и пень вместо стула.

Троица, среди которой был и невольный проводник людомара, придвинулась ближе друг к другу и стала что-то тихо обсуждать. Они не знали, что их шепот прекрасно ему слышим.

Вдруг один из троицы посмотрел на охотника с удивленным лицом. Его челюсть безвольно опустилась вниз, глаза широко раскрылись, он неуклюже выдохнул и... залился мальчишеским хохотом.

Сын Прыгуна невольно вздрогнул. Слишком громкий звук.

– Ухо, – с трудом выдавил из себя хохотавший. – Ухо... у него... во-о... вот так. – Он приложил к голове ладонь лопухом.

– Где? – заинтересовались другие, беззастенчиво принявшись разглядывать людомара. – Нет же ниче-е.

– Было... было... оха-ха!

Сын Прыгуна все понял. Он и не подумал, что людомарские уши смогут его выдать. Видать, здесь не слыхивали о людомарах. Хотя...

Он уловил испуганный взгляд старухи. Она поднесла ему небольшой кусок жареной ящерицы, какие во множестве здесь водились. Людомар ел их по пути, но сырыми.

– Деб, – сказала старуха.

Охотник непонимающе на нее посмотрел.

- Один деб, – повторила она, беря плошку в свои руки.
- Что ты говоришь?
- Плати один деб.
- Что это?

Хихиканье в харчевне стихло. Старуха помолчала пару мгновений и поставила плошку перед ним.

– Ешь и уходи, – ласково сказала она, но Сын Прыгуна видел в ее глазах животный страх. – Ешь и уходи. – Она стала медленно отходить, слегка кланяясь ему. – Ешь и уходи!

Он мигом проглотил мясо, поднялся и вышел. Хорошо, что все так быстро закончилось. Но что она говорила про «деб».

– Погодь.

Людомар резко обернулся. Трое юнцов с насквозь пропитыми лицами стояли подле него.

– Про ухо спроси, – громко прошептал один. – Про ухо...

– Скажи нам, откуда ты?

– Я из... города... из замка...

Тот, который спрашивал, продолжал улыбаться.

– Ты беглый, – просто сказал он. – Поэтому у тебя нет дебов. Ого, пасмасы, он даже не знает, что это такое. – Троица залилась дружным хохотом.

Людомар, сам не зная, почему, полез за голенище сапога и вытащил оттуда фиолетовый рочиропс.

– Это деб, – проговорил он полу утвердительно, полу вопрошая, и стал внимательно следить за пасмасами.

Лица последних побледнели. Вопрошавший его нервно сглотнул. Его глаза словно бы приросли к кристаллу.

– Откуда это у тебя? – прошептал пасмас.

Людомар ничего не ответил

Лица троицы вдруг приняли угоднически пресмыкающееся выражение. Один из вышедших быстро исчез в харчевне. И почти сразу оттуда выбежала хозяйка. Она принялась обхаживать людомара с такой любезностью и даже неистовством, что он и сам не упомянул, как снова оказался внутри.

Столы были сдвинуты. Дверь в харчевню плотно прикрыта и подперта, чтобы никто не входил. На столах оказались сразу все запасы, какие могло произвести заведение. Квартет из присмиривших и благоговейно глядящих на него пасмасов робко расположился как можно дальше.

Что такое? Почему это? Что с ними со всеми стало? Что такого в этом рочиропсе? Да, он фиолетовый. Он дает больше тепла, но ведь у них тоже есть такие: и желтые, и голубые, и серые. Кого они в нем увидели?

Запахи пьянили людомара. В который раз он решил на время отставить вопросы в сторону и заняться более приземленным делом. Скучные запасы харчевеньки довольно быстро перекочевали в его желудок.

Старуха подала наикислейшую бражку. Людомар с трудом выпил ее. Зато пасмасы напирали исключительно на нее и вскоре так напились, что еле шевелили языками.

– А... када...к...када ты его нам аддаш, а? Агдавай... – вдруг обратился к нему один из молодцев за соседним столиком. Он протянул руку к людомару, но получил такой удар дубиной, что побледнел и со стоном отпрянул назад, завалившись на спину.

Старуха испуганно улыбалась. Она отложила дубинку в сторону и раскланялась перед охотником.

Людомар отметил, что лицо ее меняется сто раз за миг, когда она отворачивается от него, но ему в лицо она смотрит с неизменной наисладчайшей улыбкой.

Он вытащил рочиропс и протянул ей.

Старуха схватила кристалл и внезапно побагровела.

– О-о, – проговорил медленно второй пасмас. – Он... а-а-а..атдал... слышь? Атдал... Он... ей...

– Тиха, – не сказала, а выстрелила старуха. Она подскочила и стала метаться по харчевеньке.

– Не упрячи-и-ишь... мы все ра..а-авно найдем... хи-хи. – И парень с довольной ухмылкой посмотрел на людомара. – Прячит она... ат нас... хи!

Лицо старухи исказила такая гримаса, словно тысячи игл вонзились в ее тело. Она расплакалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.